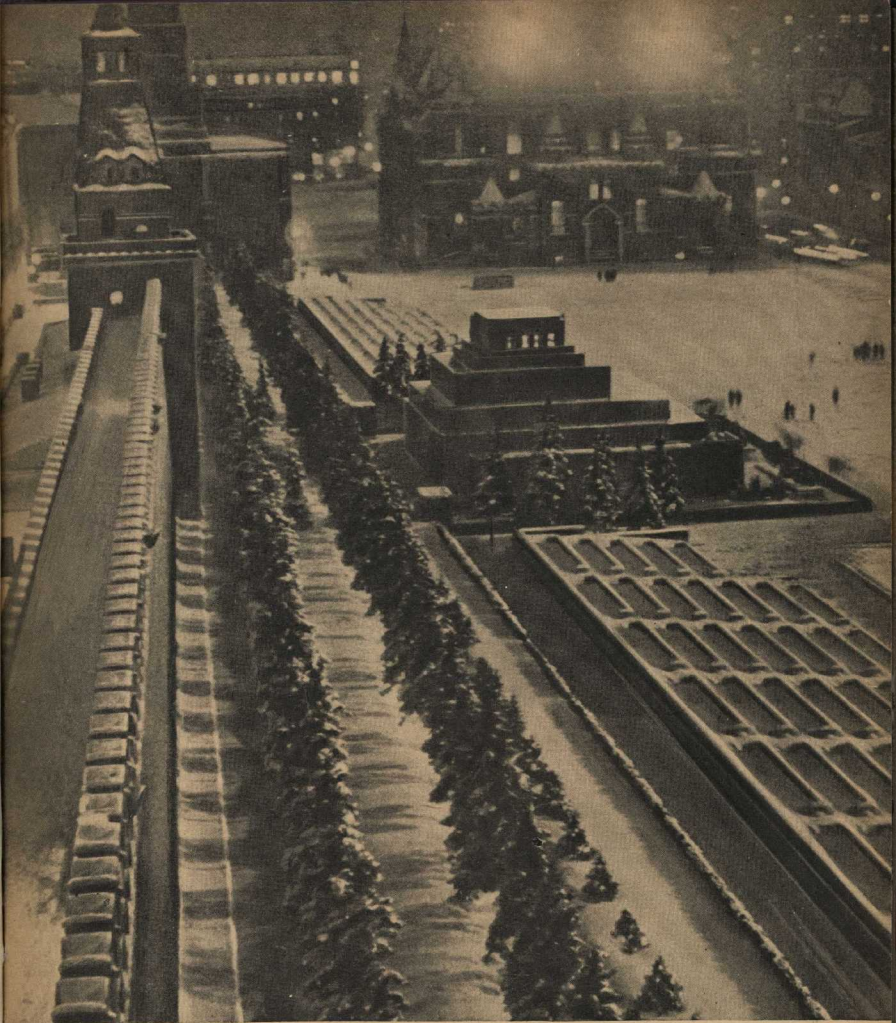

СМЕНА

1-2
1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1—2
Январь 1946 года

Вл. ЛИДИН

БРАТСТВО

Рассказ

*На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!*
А. С. Пушкин.

Поезд пришёл перед вечером, и Москва встретила сияющей, свежим воздухом зимы, очарованном сумерек. Огни были ещё не зажжены: в точнейшей, приспанной снежком бесплотности терлались, оттаившие, душистые от инея здания; видимо, отгнать сменяла недавний мороз. Прикававший вышел на прикаваль-

ную площадку и остановился в раздумье. Впервые ему нискуда было спешить, чтобы попасть в часе первых будь то вступление в отвоеванный город, капитуляция гарнизона или водружение знамени Победы на самом высоком здании города... Два фотоаппарата, отслужив свою военную службу, висели через плечо. Сколько раз, волнуясь, переживая всё заново, прочитывала он, фотокорреспондент Соловцов, на лямке записи событий, боёв, героев, лиц, встреч! Как бы на перекрёстке прокопанных товарищи, с которыми крепко, насмерть —

так казалось тогда — связала его фронтовая дружба. Там, на фронте, в мужском одиночестве, когда ждала тайная мысль была взаимно поверена друг другу, когда делили друг с другом хлеб и табак, спали на одной постели, укрывшись шинелями, вспоминали Москву, читали стихи, стилистическим вином отеческая фронтовая праздники и воспоминания, — там разбурчалась она, эта дружба. И вот всё это уже позади. Война окончилась — и друзья разбрелись. Вот он, четыре года гонящийся по военным дорогам, вскакивавший на подножку ва-

ПЕРВЫЕ МИЛЛИОНЫ АМЕРИКАНСКИХ БЕЗРАБОТНЫХ

«Легче вкатить телегу на гору, чем остановить её, когда она начнет катиться с горы» — эта американская поговорка приходит на ум, когда наблюдаешь экономическую жизнь Соединённых Штатов Америки в послевоенные месяцы. И ведь отказываться в логике американскому финансисту Бернарду Баруху, который заявил: «Значительно легче было довести американскую экономику до её нынешнего высокого уровня, чем предотвратить потрясения, после того как были аннулированы военные заказы».

треста и автомобильные короли — в Детройте и Филадельфии, в Питтсбурге и Нью-Йорке, в Чикаго и Сан-Франциско, в Северных и Южных штатах.

Два с половиной миллиона

Уже через месяц после окончания войны министерство труда насчитывало в Соединённых Штатах Америки около двух с половиной миллионов безработных. Корабли с демобилизованными солдатами, приходящие из Европы и Азии, доставляли новые партии людей, пополнявшие резервную армию труда.

Положение тысяч и тысяч вчерашних солдат оказалось трагичным. После невзгод и испытаний военной бури, после нескольких лет, проведённых на чужбине, ступив на родную землю, они не могли даже быть уверенными, что найдут применение своему труду. На конференции американского легиона в Чикаго, посвящённой вопросам безработицы, генерал Врэдли заявил, что насчитывается более миллиона ветеранов войны, не имеющих работы, и в ближайшее время, в связи с сокращением спроса на рабочую силу, число безработных возрастет ещё на несколько миллионов. Особенно трудно приходило

ся инвалидам войны — 88 процентов ветеранов-инвалидов не могут найти работы. Предприимчивости уклоняются от приёма на производство частично потерявших трудоспособность людей, рассматривая их как «неоплативших работников». Настраиве демобилизованных молодых солдат ярко выразил один из делегатов состоявшейся в прошлом году в Лондоне Международной конференции молодых: «Как только война окончилась, исчезла опасность быть убитым на фронте, она осталась лицом к лицу с призраком голода вследствие сокращения производства и безработицы».

«С чем вас поздравить?»

Это звучит парадоксально, но победа Объединённых наций и наступление мира принесли миллиомам людей в Америке горе и лишения. Безработица, словно зловещая тень, нависла над страной. Крупнейшие военные заводы закрываются, и рабочие массами увольняются. В день окончания войны один из крупнейших американских предпринимателей, собрав рабочих, сказал им:

— С чем же вас поздравить? Завтра я закрою завод и выкину на улицу 33 тысячи рабочих. Ну, если можно поздравить с этим, так я поздравляю вас. Поздравляю с окончанием войны, с победой...

Компания Форда уволила 46 тысяч рабочих. Так же «поздравлял» рабочих магнаты Стального

Пять миллионов

Армия американских безработных непрерывно пополняется. В январе 1946 года министр торговли США Уоллес заявил, что количество безработных в стране составляет пять и три десятых миллиона человек. Директор американского бюро мобилизации и рековерсии Свайлер добавляет к этому, что нынешняя цифра — не предел и что «безработица достигнет максимального количества весной».

Пять миллионов здоровых, жаждущих труда людей лишены элементарного, естественного права каждого человека — права на труд, права жить работая! Этого не может обеспечить миллиомам своих граждан даже самая богатая капиталистическая страна — Соединённые Штаты Америки.

О чём писал Драйвер

«Найти работу трудно даже в тех случаях, когда человеку максимально благоприятствуют здоровье, молодость и честность, а о том, как трудно найти её при условиях неблагоприятных, не приходится и говорить», — писал известный американский писатель Теодор Драйвер в романе «Гений».

Война в значительной степени рессосала резервную армию труда, но уже сейчас на улицах городов Америки, как и в военные годы, можно нередко увидеть скорбную фигуру, фигуру лишённого работы человека...

После войны резко ухудшилось материальное положение американских рабочих. Вступая по радио осенью прошлого года, президент США признал, что заработок многих американских рабочих семей понизился на двадцать пять и более процентов по сравнению с военными годами. В начале января Трумэн заявил, что «миллионы миллионов рабочих, доходы которых не обеспечивают им приличного уровня жизни. Нетрудно представить себе, каков уровень жизни людей, вовсе лишённых работы».

«Абсурдная идея»

Возможные «комитеты», созданные в Соединённых Штатах, не в силах ни остановить, ни смягчить растущую безработицу. Даже те меры, которые намечает президент, встречают упорное сопротивление промышленников и финансистов тузов, которые всё время послевоенных тяжёлых стремится переместить на плечи рабочих. Выдвинутой ещё Рузвельтом законодатель «О полном обеспечении работой» недавно был, по

Снова на улицах американских городов появляются скорбные фигуры безработных, признаки довоенных лет...

сути дела, проваден. Сенатор-республиканец из штата Охайо Тобу с удовольствием поддержит, что из принятого текста закона исключено даже упоминание о полном обеспечении работой и, главное, удалён тезис о том, что американцы имеют право на труд.

Банкиры и промышленники открыто высмеивают заявления о праве человека на работу. «Одной из наиболее абсурдных идей нашего времени, — цинично заявляет орган американских банкиров «Ворренс», — является идея о том, что каждый имеет право на работу...»

Это не мешает, однако, тем же банкирам и промышленникам, выбрасывающим на улицу тысячи мужчин и женщин, утверждать, что в капиталистическом обществе существуют настоящие равенство и личная свобода. Вряд ли такие равенство и личная свобода» устранивают миллионы американских безработных!

Десять лет назад, беседуя с американским журналистом Рой Говардом, товарищ Сталин сказал: «Мне трудно представить себе, какая может быть «личная свобода» у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб».

Число людей, не находивших применения своему труду и обречённых на бездельность и жалкое существование, в Соединённых Штатах росло. Армия безработных увеличилась на десятки и сотни тысяч людей, выбрасываемых за ворота заводов, на десятки и сотни тысяч демобилизованных солдат.

Особенно тяжёлая участь американских девушек. Как только закончилась война, их немедленно уволили «без права возвращения на производство». Но, пожалуй, ещё более горькая доля рабочих: негров, американских индейцев, мексиканцев. Их нередко изгоняют с производства только из-за национальных и расовых предрассудков. Попытки бороться в этих изуродованных верокажущих нагнетаются на решительное сопротивление реакционных кругов.

«В индейце есть что-то...»

17 января 1946 года сенат должен был рассмотреть законопроект о создании комиссии по обеспечению справедливого найма рабочей силы. Этот законопроект был направлен против расовой и религиозной дискриминации при найме рабочей силы. Сенаторы-демократы

Особенно тяжело оказаться выброшенным на улицу без гроша в кармане на старости лет...

от Южных штатов, с давних пор отличающихся реакционными убеждениями, решили до того бы то ни стало провалить законопроект. Пользуясь существующей возможностью всестороннего обсуждения в сенате любого вопроса, они в течение трёх недель выступали один за другим по всяким поводам и не дали сенату возможности заняться сущностью законопроекта. Они открыто проповедывали расовые предрассудки, шельмовали негров, евреев, мексиканцев, американских индейцев. Сенатор Вильбо, из штата Миссисипи, заявлял, что «расовая изоляция диктуется законами природы», а сенатор Банксед (штат Алабама) с пренебрежительной миной бросил: «В каждом индейце есть что-то особенно, из-за чего белый американец не хочет близко общаться с ним».

В итоге этой, так называемой «длительской» тактики, то есть тактики бесконечной гонимости (бывший президент США Вильсон однажды сказал, что эта парламентская уловка позволяет небольшой группе людей делать «большие правительства США беспомощным и жалким»), реакционеры восторжествовали. Сенат вынужден был отказаться от рассмо-

трения законопроекта, направленного на защиту национальных меньшинств. Теперь сотни тысяч «чернокожих» и «краснокожих» попадают и без того обширную армию американских безработных.

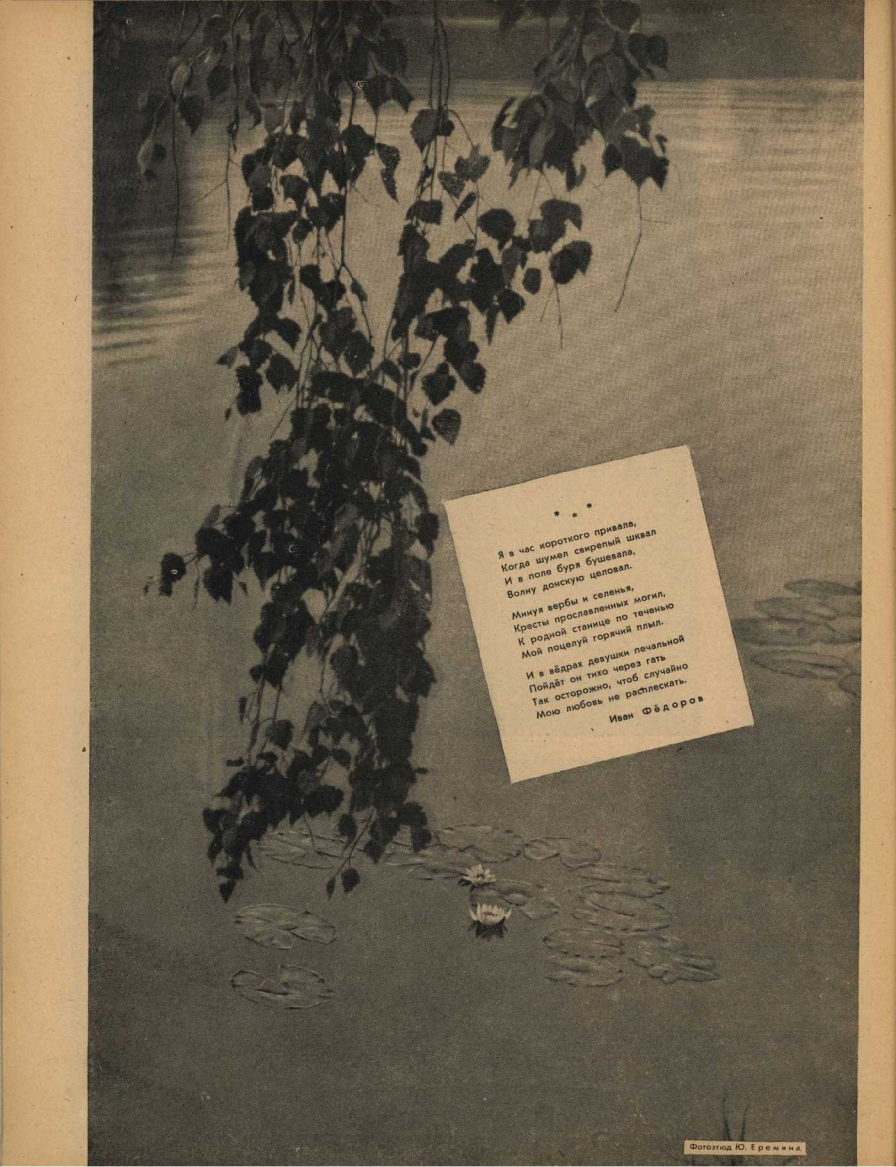
«Хотим работать!..»

«Право на труд, это естественное право человека, банкиры и промышленники Соединённых Штатов Америки называют «фантастическим требованием». И действительно, в обществе, где царит конкуренция, экономические кризисы, анархия производства, не может быть обеспечена работа каждому труженику.

— Работы! — требуют пять миллионов последних американских безработных. — Хотим работы!..»

Этот горестный клич миллионов трудоспособных мужчин и женщин звучит ещё одним свидетельством извращённых пороков капиталистического хозяйства.

М. ЛЕСНОВ

Я в час короткого привала,
Когда шумел свирельный шквал,
И в поле буря бушевала,
Волну дожскую целовал.

Минуя вербы и селенья,
Кресты прославленных могил,
К родной станции по теченью
Мой поцелуй горячий пыл.

И в вёдрах девушки печальной
Пойдёт он тихо через гать
Так осторожно, чтоб случайно
Мою любовь не растлещать.

Иван Фёдоров

Темными осями переделываются, сверкают эти прекрасные, как цветы, произведения земли. Камня белые, с синеватым и зеленоватым отливом, бледно-желтые и яркокрасные, чуть тропичные сарганцем, темнокрасные, голубоватые, цвета чистой воды, и васильковосиние. Темнозелёные александриты, вечером затонающиеся кровавым огнём, те, о которых сказал Лесков: «И было урю его желтое, а вечер красный»; золотые камни Забайкалья — уральские... Драгоценные камни, составляющие Алмазный фонд СССР, в котором есть редчайшие из редких сокровищ мира.

Эти прекрасные камни пережили века. Легенды окружают их происхождение таинственным туманом. И только небольшие сведения об истории и судьбе того или иного самоцвета дошли до наших дней.

В Алмазном фонде собрана основная часть драгоценностей и регалий бывшего царского двора. В описи значится несколько сот художественных шедевлов. Непередаваемое впечатление производит картина распавшихся алмазов. Здесь их несколько десятков тысяч каратов — от мельчайших рос, соцвет, корочек до одних карат, до гигантов-солитеров, весом почти в 200 каратов.

Камень в драгоценном обрамстве русских царей занимал важное место, и в Россию стекались богатства Востока. Все старинные месторождения земли представляли в русской коллекции. Здесь и Бразилия с её цветными камнями, и Южная Африка, и маленькие камни, найденные в 1938 году на берегу уральской реки Кушайка и установленные в две золотые булавки, и, конечно, на первом месте чистейшей воды камни Индии.

Об этих сияющих камнях ещё в I веке до нашей эры римлянин Плиний писал: «Зеленый зрю имеет алмаз. Подобно злату, он находим был в рудниках весьма редко, спутник золота, и, казалось, якобы рождается в золоте».

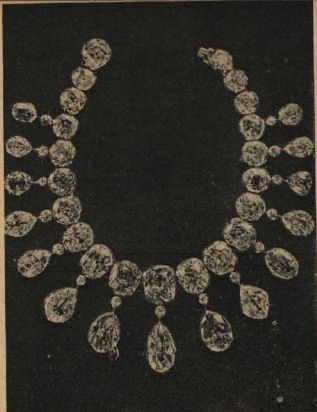
Король самоцветов — алмаз — представлен в русской коллекции камнями, подобная которым нет больше на земле. Удивительна и неповторима история алмаза «Шах». Она написана на нём самом.

Почти четыре столетия назад в долине реки Годаканд рабочий-индус нашёл желтый кристалл алмаза величиной в 3 сантиметра. Его доставили ко двору одного из князей Ахмадабада, и золотых дел мастера вырезали на одной стороне чудесного камня надпись по-персидски: «Бур-лах-Низам-шах второй, 1000 г.». В тот же год, который по нашему исчислению будет 1591-м, властитель Север-Индии великий Могол позвинул себе Ахмадабад, и камень перешёл в его владение.

На престол могочюм взошёл шах Джахан — страстный любитель драгоценных камней. И он приказал вырезать на другой стороне алмаза своё имя. Но между Джаханом и его сыном Ауранг-Зебом разгорелась борьба за власть. Сын оказался сильнее. Он заточил отца в темницу и завладел всеми его богатствами. Знаменитый французский путешественник Tavernier, посетивший Индию, видел на груди Ауранг-Зеба подвешенный к золотой нитке редчайший талисман — алмаз с двумя надписями на персидском языке.

В 1739 году персидский шах Надир пошел войной на Дели, и алмаз стал принадлежать ему. На камне возникла третья надпись — с именем завоевателя. Но и на этом не кончались причудливая история алмаза. Во «вскрытии» убийства посла России в Тегеране, великого посласта Грибоедова, в 1829 году драгоценный камень был отправлен иранским шахом в подарок русскому царю...

Много легенд и сказок сложилось вокруг знаменитого алмаза «Орлов». Этот прекрасный камень необычайной чистоты, с легким зеленовато-голубым от-

Бриллиантовая ривьера.
(Из драгоценностей Алмазного фонда СССР).

Ирина ВОЛК

АЛМАЗНЫЙ ФОНД СТРАНЫ

Брошь-свинья и серьга с изумрудами.
(Из драгоценностей Алмазного фонда СССР).

тенком, имеющий вид блуждающей розы, был найден в начале XVII столетия в копях Колдура, в Годаканде. Выдачей алмаз весил около 200 каратов и носил наименование «Море света». Шах Джахан переработал камень, придав ему туперезвую форму. Много лет спустя алмаз попал в руки в Амстердам. Здесь его в 1773 году купил Григорий Орлов за 400 тысяч рублей с уплатой в семилетний срок в пользу Екатерины II вместо букета в день её рождения.

Нельзя отогреть глаз от тонкой алмазной пластины, сверкающей, как зеркало. Этот алмаз, асталявший в бриллет, является, очевидно, осколком огромного индийского солитера. Но судьба искандриального камня неведома нам.

Прекрасные сказания сложены народами мира о рубине — яркоморском, горящем камне Востока. Лирическую легенду хранил о нём Индия: «Яркое солнце юга несёт живные соки великого бога Асура, из которых рождаются камни... Наделает на него ураган вечный солерик богов царь Ланка... Падают капли тяжёлой крови на лива реки, в глубокие воды, в отражении прокрашивая палым. И заточил с тех пор эти капли крови, переплавляя в камни рубина, и горели они с наступлением темноты сказочным огнём, и произвельсь воды этиим огнемным лучам, как лучами золота».

Из Индии, Бирмы и с Цейлона шёл драгоценный красный камень за Запад. И называли его римляне карбункулом, а греки — атраском. Восток ставил рубин выше всех самоцветов. Сохранился мусульманский легенда о золотой жаровне, в которой горели камни рубина ярче настоящего огня.

Это увлечение перешло и русскому двору. В Топоровой книге XV века есть такая запись: «А коли попадет докой камень явот чернот, хочт и дарю — купи, только в ласткино яйцо, приволился бы росулазу царю и выайте тот 100 рубля и более, а у цемь неустойте...».

И в старинных русских лечебниках красному камню приписывались чудотворственные свойства: «Кто явот рубин в шее при себе носит, снов страшных и лихих не увидит... Аше кто солнце смотрючя, они затемнит, тогда ему явот поможет... Аше кто явот сердце своё в я лодке чествет будет, Он яврут сердце, мого, силу и память человека».

Почти семь столетий давалось увлечение красным камнем. В эпоху Возрождения великий скульптор Бенвенуто Челлини своим слитком ископавший багровым камнем, расценный рубин в восемь раз дороже алмаза, явлоз дороже изумруда.

И всё же красные камни почти нет в Алмазном фонде СССР. Это-то связано было в рубины камей в красным камнем. Среди немногих блещает несравненным густым тёмнокрасным цветом знаменитый шпильщик, или, как его называли в России, «свля». Сохранились старинные документы, из которых видно, что этот камень, величиной почти в куриное яйцо, принадлежал китайскому богдыхану Кан-че. В 1676 году по указу царя Алексея Михайловича российский посланник в Пекине Николай Спафарий купил его у богдыхана за 2672 рубль. Рубин украшает верх большой императорской короны. В редчайшем камне 114 каратов, с ним не могут сравниться даже знаменитые «три рубина» французской короны: в самом больном из них было лишь 206 каратов.

Прежеским туманом — бергрийн камнем, в форме неправильной грозди, весом в 250 каратов. Он был преподнесён Екатерине II королём Густавом Шведским по случаю его посещения Петербурга в 1777 году.

Настал день, когда у красного камня появился соперник — изумруд. Солный зелёный цвет этого камня являлся ценя-

«Большой букет» с изумрудными листьями и бриллиантовыми цветами. (Из драгоценностей Алмазного фонда СССР).

ся как выражение жизни, молодости, весны. История донесла нам рассказ о знаменитом изумруде Нерона, которым он пользовался как зеркалом. Народная молва приписывала этому драгоценному зор самоцвету чудесный дар исцеления. И постепенно изумруд стал завладевать вниманием человека. Сначала стоимость его достигла стоимости рубина, потом значительно превысила её.

Мировую известность получили в своё время зелёные камни России. Ещё Геродот и Плиний описывали редкой красоты изумруды из скифской страны. Есть упоминание об этих камнях, относящееся ко временам Бориса Годунова. Но знаменитые уральские месторождения изумрудов были открыты значительно позднее.

Зимой 1831 года крестьянин Кошовой нашёл возле уральской речушки Токони, под большим деревом, поваленным бурей, русский изумруд. Вскоре здесь раскопали изумрудные приски.

Индийские лапидарии поведают о горе, которая недоступна смертным и где находятся изумруды, цвет которых подражает цвету шёлка молодой травки, синие кадюта, молодой травке, водяной тине, железу и рисункам хвоста павлина.

История огромного изумруда квадратной таблицы, обрамлённой изянными листьями, ослепляющим бриллиантами, хранящейся в Алмазном фонде, неизвестна. Найден был этот изумруд (его вес — 135 карат), вероятно, ещё в средние века. Быть может, он сверкал среди других камней во дворце Вели-

ких Моголов. Незабываемы для нас путями посыл уникального камня на мировой рынок...

Есть в Алмазном фонде тёмносиний самоцвет, подобного которому нет на земле. Это сапфир, мировой уникум, абсолютно чистого, яркочерно-синькового тона. Он весит 250 каратов, в то время как знаменитый сапфир герцога Девайнского — немногим более 100 каратов, сапфир Парижского музея Ботанического сада — 132 карата, а самые большие камни Бирмы, отличающиеся чистотой и яркостью тона, — не больше 80 каратов.

Проникновение сапфира таково. Когда-то в песках Цейлона был найден этот голубовато-синий голши. В своей мастерской туземец-гравильщик покрыв его поверхность узором из мельчайших шестигранных граней. Индийский раджа привёз сапфир в 1862 году на лондонскую Всемирную выставку. Там он был продан и доставлен в Россию.

На малых овах вулканических островках Каспийского моря добывался в далёкие времена олянокорно-зелёный кризолит. Сложными путями попал он в Аравию и Палестину, а оттуда — в Европу. Кто завёз в Россию кризолит, который сейчас хранится в Москве, неизвестно. Известно лишь, что он самый крупный и чистый в мире.

Многими тысячами каратов исчисляется вес скатного жемчуга, ниток и отдельных жемчужин Алмазного фонда. Вот великолепный бутон в 52 карата, вот и другой — в 50 каратов; вот необыкновенная круглая жемчужина весом в 38 каратов и, наконец, огромная розоватая, необычайного тона, в 77 каратов.

К сожалению, в Алмазном фонде почти полностью отсутствуют русские камни. Где драгоценные самоцветы, за которыми Екатерина II послала экспедицию на Урал, где сказочный вышнейший шерль, носить который считалось признаком любви к родине; где, наконец, чистые, яркие русские александриты, самые лучшие в мире, столь прекрасные, что лишь изредка находят подобные им в провинции Цейлона?.. Всего этого нет в коллекции, так как только в 1906 году было продано камней больше чем на миллион рублей, и среди них преобладали русские изумруды и старинные аметисты.

Сейчас все драгоценности бережно хранятся в Алмазном фонде СССР. За годы войны замечательная коллекция ничуть не пострадала. Попреемнику горю и искрится чудесные алмазные сокровища русского народа.

Часть драгоценностей Алмазного фонда СССР.

ПИСЬМА К РОДНЫМ

Вступительная статья и примечания

С. Дзержинской

Печатаемые здесь в выдержках письма Феликса Эдмундовича Дзержинского в большинстве своем публикуются впервые. Большая часть этих писем написана Феликсом Эдмундовичем в период 1914—1917 годов в царских тюрьмах.

Всю свою жизнь Феликс Эдмундович посвятил борьбе за лучшее будущее человечества. «Не стоило бы жить, — писал он, — если бы человечество не озаряла звезда социализма, звезда будущего». Царское самодержавие сурово преследовало пламенного борца революции. Самые одиночные лет провел он в тюрьмах, ссылке и на каторге и был освобожден лишь в 1917 году февральской революцией.

Последние два письма написаны Дзержинским в 1918 году, когда он в качестве председателя ВЧК руководил героической борьбой против внутренней и внешней контрреволюции.

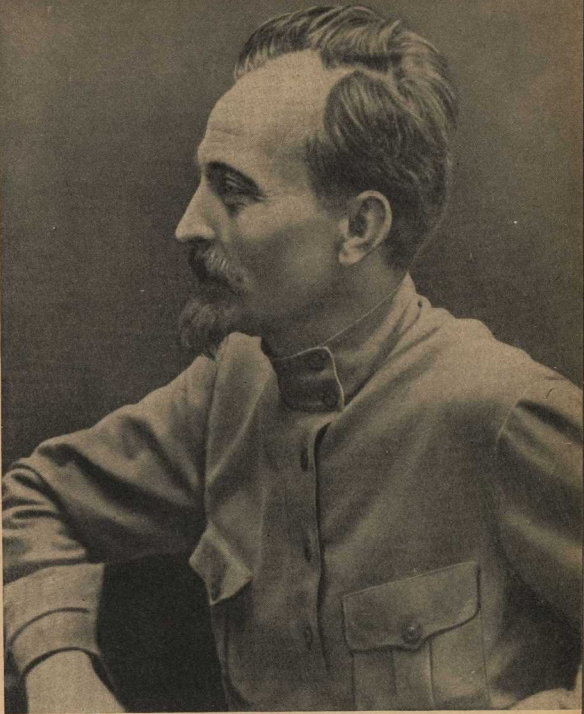
Как в годы подпольной работы, тюрьм и каторги, так и в труднейшие моменты борьбы за сохранение завоеваний Октября, Дзержинский никогда не падал духом. Его непреложная вера в победу коммунизма, его великая революционная страсть и железная воля в борьбе пытались горечь любовью к трудящимся, ко всем угнетенным, его верой в силы рабочего класса.

За суровым обликом человека, беспощадного к врагам революции, таилось огромное, пламенное сердце, умеющее нежно любить детей, природу, жизнь.

Феликсу Эдмундовичу не пришлось испытать настоящего отцовского счастья — непосредственно следить за ростом и развитием своего сына. Мальчики было девять месяцев, когда Дзержинский впервые видел его несколько минут, и то в целях конспирации ему пришлось выдать себя за отца ребенка. А потом тюрьма снова разлучила его с сыном на многие годы. Все письма Дзержинского пропитаны горечью забот о воспитании сына, в котором он хотел в будущем видеть человека, преданного идеям коммунизма.

После победы Октябрьской революции, руководя ВЧК, Дзержинский не переставал интересоваться судьбой и развитием советских детей. По его инициативе были созданы Деткомиссия при ВЦИК и трудовые колонии для беспризорных ребят.

Скоро исполняется 20 лет со дня смерти на боевом посту Феликса Дзержинского — верного рыцаря пролетариата, пламенной души борца коммунистической революции, неутомимого строителя нашей промышленности, вечною трутневкой и бесстрашного защитой великих боров, человека с кристально чистой душой и сурово любящим сердцем, чья жизнь, по определению товарища Сталина, была «как орен ие». Горечи и героической отваги в борьбе с трудностями.

Феликс Эдмундович Дзержинский.

24 (11) июня 1914 года.

Х павильон Варшавской читальни

«В современном идеализме — два обособленных, почти не соприкасающихся друг с другом мира: мир мысли и мир действий, тончайший идеализм и грубейший материализм. Современный идеализм совершенно не замечает ни действительной жизни, ни своей обособенной. Не видит, потому что не желает видеть. Слабым при виде игры на сцене, — и полное равнодушие, а то и жестокость на практике, в жизни. И поэтому важно внушить Ясику отравление и омерзение ко лжи и комеданству, весьма распространенным среди детей, берущих пример с нашего общества, в равно заигрывающим этим ору-

жием от власти взрослых. Ты — поркухой, что необходимость в этом приеме защиты по отношению к взрослым ему не угрожает. Но лжи, источником которой является социальное условие, устранив нельзя, а ограждать его от этих условий не следует. Он должен познать и осознать их, чтобы оказаться способным проинтуитивно чувствовать отравления ко лжи или познать необходимость и неизбежность этой лжи, когда источником ее являются чистые побуждения, когда эта ложь необходима в борьбе за более глубокую и более возмужанную жизнь».

Не телпачным цветком должен быть Ясь. Он должен обладать всей диалектической чувств, чтобы в жизни быть способным к борьбе во имя правды, во имя идею. Он должен в душе иметь святыню более

1 То есть буржуазном.

1 Т. е. по отношению к царским палатам.

когда природа так меня полагала, что я чувствовал себя связанным с ней органически, будто я сам был облаком, деревом, птицей. Видела я когда-нибудь Янки, как неспроста и мерцает? Нет! Малышка он снёс, и спать ему в это время уже пора, но с каждым годом мир будет перед ним раскрывать всё новые и новые свои богатства...

Из письма С. Мушкату в Люблин
март 1915 года, Орёл, губернская тюрьма

Я резко пишу, ибо тяжёлая однообразная жизнь окрашивает в самый серые тона моё настроение. И когда я думаю о том аде, в котором сейчас вы все живёте¹, мой собственный ад кажется мне так мал, что не хочется о нём писать, хотя и он сильно дожимает, иногда даже сильнее сыноу.

То, что вы узнали о наших условиях, это правда. Условно эти прямо-таки невыносимы. Ежедневно кого-нибудь вывозят отсюда... в грубу. Из нашей категории¹⁰ в течение последних шести недель умерло уже пять человек, все от чехотки. Троем из них давно уже назначали место поселения, но их не вывозили, так как в течение семи месяцев не успели привести в порядок «бухты». Все они были привезены сюда из Петрокова, помощи из дому у них, конечно, не было никакой, так как семьи их находятся уже за пределами города¹¹. В последние и ужасные недели заболели бранным и сыпным тифом. Говорят, что ежедневно хоронят двои-троих и что с 5 февраля (старого стиля) по 4 марта умерло тридцать человек.

Я живу здесь вместе с несколькими другими в одной коммуны, мы занимаемся вместе, некоторым я помогаю в учёбе, и время быстро бежит, так быстро, что трудно поверить, что всё уже восьмой месяц в тех пор, как нас вывезли из Варшавы... И если бы я мог писать о том, чем я живу, то я не писал бы о тифе и ужасных наших условиях, а написал бы о нашей мечте, представляющей для нас единую отвлечённую идею, но являющейся на деле самым насыщенным счастьем. Когда я думаю о том, что теперь творится — о повсеместном голоде крушения всяких надежд, я прихожу к твёрдому для себя убеждению, что жизнь зашлёпёт тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение. И поэтому я стараюсь не думать о сегодняшней войне, о всех военных результатах, а смотрю дальше и вижу то, о чём сегодня никто не говорит...

17(4) февраля 1916 года.

Орёл¹².

...Месяц тому назад я написал горькое письмо и в момент сдачи его получил сразу два ятовых и Янка писала. Но всё это новое письмо у уже не мог. Простя меня, но я так беспокоился, не зная, чем обласкать твоё молчание, а воображение покусывало всякие ужасы. Но всё хорошо, что хорошо кончается. А твои откровения мне ещё более успокоили. У меня это в натуре — перебарщивать из крайности

¹ Ф. Э. имеет в виду войну.

² Т. е. политических каторжан и сельхозпоселенцев.

³ Город Петроков (в Польше) к тому времени был австро-германским войском.

⁴ На писме штемпель: «Простреленный. Орловское исправительное арестантское отделение».

в крайности в своих настроениях, особенно в тюрьме. То я на горе высокой «эмолюсь» и пою гимн радости бытия, то в тёмной беспробудной пренесенной мучаюсь, а в прожужкалах — «битная» зыбь анагии. Но ты, друг мой, не должна испытывать тяжёлого чувства, когда думаю обо мне, читаясь мои письма. Вель что бы меня ни ожидало и какие бы настроения ни приходилось переживать, у меня никогда нет в душе бесплодных жалоб. И даже тогда, когда тоска как бы одолевает меня, остаётся в груди, тут я сохраняю спокойствие, любовь к жизни и понимаю её, себя и других. Я люблю жизнь такой, какая она есть, в её вечном движении, в её гармонии и угасных противоречиях... Песнь жизни живёт в моём сердце... Мне кажется, что тот, кто слышит в своём сердце эту песнь, никогда, какие бы мучения ни переживал, не проклянет жизни своей, не заменит её другой, спокойной, нормальной...

бе о своей жизни, где я был и что видел, как радовался и горевал, а ты мне — о том, что любишь и кого любишь, каким сильным и хорошим, какой радостью для мамы, для меня, для любой бушешь ты, когда вырастает.

Цветочки, которые ты собрал для меня и прислал, тоже у меня в камере. И смотрю на них и на карточку твою и думаю о тебе. Мы будем вместе любоваться живыми цветами на лугах — белыми и красными, желтыми и голубыми — возми, и будем смотреть, как плывёт на них сладкий и ароматный сок их собирают. И будем слушать музыку — и птиц, и цветов, и деревьев, и птичек, и звон колокольчиков, а потом дома будем слушать, как мама играет; мы будем тогда тихо сидеть и молчать, чтобы не помешать ей.

А теперь до свидания, мой добрый. Прелеу и обнимай тебя крепко, крепко.

Твой татусь Фелек

Дом в Дзержиново (быв. Виленской губернии), где провёл детство Феликс Эдмундович Дзержинский. В 1940—1941 годах здесь был создан Музей Ф. Дзержинского, но во время Отечественной войны гитлеровцы разграбили и сожгли его.

6 июня (25 мая) 1916 года.

Московская губернская тюрьма

Милый мой Яне! Я получила слова приветия, которые ты мне послал с высокой горы Губель. Они, как маленькое птички, летели ко мне и долетали. Они теперь со мной в камере моей, и мне вesoлею, что мой Янек помнит меня и что он жив. Да, мой милый, когда я вернусь, мы пойдем и на ещё более высокую гору, высоко, высоко — туда, где тучи ходят, где белая шапка снега покрывает вершунку горы, где орам вывет свои гнёзда. И оттуда будем смотреть вниз на озёра и луга, деревни и города, зелёные рощи и бурые, голые скалы, и вся жизнь, предстанет перед нашими глазами. Я буду рассказывать те

16(3) сентября 1916 года.

Московская Пересильнская тюрьма

Дорогая Зося! Вот я уже работаю. Начал позавчера и, кажется, работа хорошо пойдёт на моё настроение и тем самым на здоровье. От столь продолжительного безделья — ровно четыре года — у меня развилась настолько сильная апатия, что в последнее время она стала меня несколько беспокоить. Комиссия обследовала меня от тяжёлых работ, и я теперь подурный и портного; через несколько месяцев научусь шить на машине и надеюсь, что скоро буду зарабатывать столько, что всякая поддержка от родных будет излишней.

ВСПОМНИ

Как хорошо прийти домой, раздеться,
Снять шапку, стнуть с себя шинель,
Мохлятым полотенцем утереться
И лечь на белоснежную постель...
Но вспомни, как ты спал в чужой

мхорин.
В штабной палатке, с колу прихорону,
Не сняв сапог, лишь ворот
гимнастёрки,
Чтобы дышало легче, расстегну;
И вспомни, как случалось нам,

бывало,
Рассвета ждять, хоть стужа и отра,
На дне овражка. Больно кристаллы,
Как бабочки, кружились у костра;
И вспомни колы и пучки соломы,
Что, словно мёты, воткнуты в сугроб
В краю, где нет ни огонька, ни дома,
А лишь бесконечные заметённых

троп,
Где кажется хоромами земляника
И дёрстой плашка. И в раю таком
Случама плаш-палатка самобранкой,
И дверь, и пуховым тфляком;
И вспомни вёрсты по крутому снегу,
Словь минный вепих и буровь зюлу,
И сотни неожиданных ночлегов —
В курной избе на земляном полу,
На техных нарах в блиндаже

солдатском,
В пустынной школе, в мёртвом городе,
Который и с обстрелом и с футгалкой
Уже давно замаскировался.

Да, вспомни всё. И будь всегда готовым
К движению. Будь лёгким на подъём,
Всегда привычным к тяготам суровым,
К бессоннице, к труду, к разлукам новым,
К тому, что кратко мужеством зовём.

Александр СОКОЛОВСКИЙ

ПУТИ

Ты не исходишь столько ж вёрст
впустую.

Твои шаги легки, и путь твой прост.

Но я совсем, совсем не протестую,
— гоги меня ещё на сотни вёрст.
Ведь по каким бы ни бродил я чащам,
и сколько бы ни переплыл морей,
— мон пути влеку к большому счастью,
они сойдутся у твоих дверей.

И всё ещё ношу кандамы, но надеюсь,
гасится заветными кандалами срок
моё¹⁴. Впрочем, кандамы не особенно меня
беспокоят, надоел только вечное бран-
цанье. Но к чему человек не привыкнет.
Я пишу тебе откровенно, и ты, дорогой,
не огорчайся. Я сам спокоен и рассказы-
ваю тебе всё это без тени жалобы и печали.
Я спокоен, в душе уверенности, что
мы увидимся и будем вместе...

31 (18) декабря 1916 года.

Московская Центральная пере-
сылная тюрьма¹⁴

Милая Зоя! Вот уже пришёл по-
сладший день и 16-го года и хотя не видно
ещё конца войны, однако мы всё ближе
и ближе к дню нашей встречи и ко дню
нашей радости. Я так уверен в этом, что
кажется, мог бы ждать спокойно изо дня
в день — бесконечно долго. Что даст нам
17-й год, мы не знаем, но знаем, что
душевные силы наши сохраняются — а
ведь это самое важное. Я тоскую, что дол-
жен один пережить это время, что нет со
мною Ясика, что не вижу его развиваю-
щейся жизни, складывающегося характе-
ра. Мыслью и с вами; и так уверен, что
вернусь, — и тоска моя не даёт мне боли.
Ясик всё расцёт, скоро ведь уже будет
учиться. Пусть только будет здоровым,
совершенно новым. У меня жизнь, всё та же,
кандамы только сняты, чтобы удобнее бы-
ло работать. Работа не утомляет меня; до
сих пор она даже укрепляла и музыку
и певья.

4 марта (20 февраля) 1917 года.

Московская Центральная пере-
сылная тюрьма¹⁵

—Передо мною открытка Ясика, раскра-
шенная им, и слова его ко мне, мысли,
чувства и улыбка. С какой радостью я с
тобой, милый мой, пускал бы в воздух
маленькие пушери, чтобы они, радужные и
прекрасные, носились легко и плавно по
воздуху и мы следили бы за ними, здрав
головы и поддувая, чтобы они не ушли.
И я думаю о том, что, когда ты под-
растешь, будешь большим и сильным, мы
научимся сами летать на аэропланы и
полетим, как птицы, к высоким горам, к
облакам на небе — а пол нами будут села
и города, поля и леса, долины и реки,
озера и моря — весь прекрасный мир. И
солнце будет над нами, а мы будем ле-
теть. Ясик мой, не огорчайся, что я теперь
не с тобой, иначе не может быть я люблю
тебя, и ты — радостью мой, хотя я тебя
вижу только во сне и в мыслях...

Я так редко пишу лишь потому, что
жизнь здесь настолько серая и однообраз-
ная и столь долго уже тянется, что и
мысли мои стали бесформенны, слишком
распылячаты и общи. Состояние пауза.
паузы. Мелочли приносит быструю сме-

ну настроений, но я им не придаю никако-
го значения, ведь только в настоящей
жизни можно проявить себя, узнать на-
стоящие мысли и чувства. Здесь я застал,
а человек, как и всё живое, вечно в дви-
жении, вечно в нём что-то умирает и
рождается, каждый момент его — это
новая жизнь, пронашение скрытых сил и
возможностей; жизнь текуча, и в этом её
красота. Всякое желание или попытка
оставить её, увеселиться, избежать
счастья или несчастья — это смерть для
жизни, это — рабство. Поэтому я отвра-
чиваюсь теперь от своей жизни — стою
чего боюся, — и не хочется мне о ней
писать и рассказывать. Теперь и времена,
как медведь зимой в своей берлоге, оста-
лась только ясная мысль, что весна при-
дёт и тогда перестану севать свою алу и
всё оставшееся в душе и теле снамы
проявится. Буду жить...

* * *

Февральская революция освободила
Феликса Эдмундовича Дзержинского от
тюрьмы, и он сразу окунулся в свою сти-
хию — в революционную борьбу.

* * *

Москва, 27 мая 1918 года.

Я нахожусь в огне борьбы. Жизнь солда-
та, у которого нет отдыха, ибо он дол-
жен спасать наш дом. некогда думать о
своих и себе. Работа и борьба адская. По
сердце мое в этой борьбе осталось живь-
вым тем же самым, каким оно было и
раньше. Всё мой время — это одно непре-
рывное действие, чтобы устоять на посту
до конца...

Мысль моя заставляет меня быть беспосо-
льным, и во мне гредяла воля идти за
мыслью до конца...

Кольцо врагов сжимает нас всё силь-
нее и сильнее, приближаясь к сердцу...
Ворья захватывает, втягивает, и я не ду-
маю о своём будущем. Каждый день за-
ставлял нас прибегать ко всё более ре-
шительным мерам. Сейчас предстал пред
нами величайший наш враг — настоя-
щий голод. Для того, чтобы получить хлеб,
надо его отнять у тех, у кого он имеется,
и передать тем, у которых его нет. Граж-
данская война должна разгореться до
небывалых размеров. Я выдвинул на пост
передовой линии огня, и моя воля — бо-
роться и смотреть открытыми глазами на
всю опасность грозного положения...

Физически я устал, но держусь норма-
льно, и чудно мне уныние. Почти совсем
не выхожу из моего кабинета — здесь
работа, тут же в угу, за ширмой, стою
мои кроватки. В Москве я нахожусь уже
несколько месяцев. Адрес мой: Большая
Лубянка, 11.

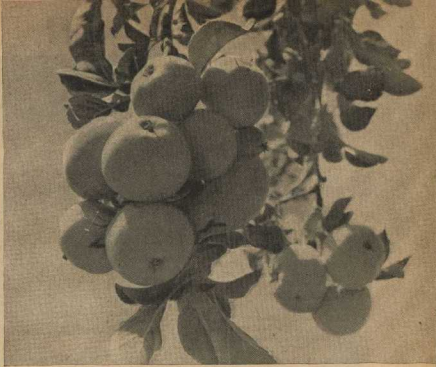
Москва, 29 августа 1918 года.

В постоянной горячке я не могу сегодня
сосредоточиться, анализировать и раскра-
шивать. Мы — солдаты на боевом посту.
И я живу тем, что передо мною, ибо это
требует сугубого внимания и бдитель-
ности, чтобы одержать победу. Моя воля —
победить, и, несмотря на то, что весьма
редко можно видеть улыбку на моём лице,
я уверен в победе той идеи и движения,
в котором я живу и работаю.

¹³ По первому приговору к категории за побег из
ссылки.

¹⁴ На письмо Штембеля: «Прометрею проку-
рором МОС» и «Прометрею МПШТ».

¹⁵ Штембеля: «Прометрею», как на предыду-
щем письме.

Скоро лето!

Фото А. Штеренберга

Ник. ПОГОДИН

ПЕРВАЯ МИЗАНСЦЕНА

Из воспоминаний о Б. В. Щукине

...Все двери зрительного зала в театре заперлись. В коридорах были дежурные, приставленные затем, чтобы не допускать шума во время репетиции, хотя последнее правило у вхлантовцев вообще выполнялось строго. Но в те первые дни щукинских репетиций эта строгость правила сама собой вымывалась в торжественность. Борис Васильевич Щукин тогда трудился над образом Ленина в его сценическом воплощении. Театр имени Вахтангова готовил к выпуску спектакль «Человек с ружьём».

Обобщенным приходом Щукин в театр на Арбате. Я не знаю, как выразить это особое состояние человека, которая всю ночь до рассвета в киностудии, от сцены к сцене, создавала променяный художественный образ. В этом образе нече-

зало обыкновенное понятие «роли», и только великий артистизм мог совершить то, что потом мы увидели. Мы боялись за Щукина — не выдержит, не хватит сил, так как по ночам он снимался в картине «Ленин в Октябре», а в дневные часы вёл репетиции в театре. И там и здесь сроки близились, и там и здесь вот-вот, ни сегодня-завтра, актёр должен был сказать своё последнее слово. И, может быть, то особенное, отстран-

ное от будничности состояние, которое мог бы почувствовать в Щукине каждый хоть немного чуткий человек, было огромным подъёмом его духовной жизни в те её высшие моменты, когда человек не знает усталости, не замечает времени.

Приходил Борис Васильевич на репетиции в costume, который был приготовлен для спектакля. Он «обживал» этот костюм от галстука до башмаков. Я замечала, как он, хмурился,

снимал с плеч пуговицы и при этом серчал, как, забывавшись наедине, медленно шёл в проходах партера, склонив голову и злобиво большие руки за спиной.

Впрочем, мы знали о том, что Щукин очень давно, когда был один на улице и думал, что никто его не видит, шёл иной, не своей, быстрой характерной походкой... Его бакин был изветным другим более сложное процессом классического труда артиста — труду, который врожденному таланту придаёт классическое мастерство. Мне думается, что ещё за год до получения тетрадок с ролью Щукин начал работать над образом Ленина.

Но вот настало время первой репетиции на сцене с её первой мизансценой, которая начинается явлением актёра пе-

ред зрителем. Как сказано выше, все двери были закрыты. В зале оставались постановщик Р. Н. Симонов, Б. В. Шуклин, И. М. Толчанов, исполнявший роль солдата Шардина, да я, как автор, который мог бы потребоваться на ответственных репетициях — бываю случаем, что текст в иных местах начинает звучать совсем иначе, и тогда надо срочно, тут же на репетиции, вносить исправления.

Творчество — смутное понятие, оно иной раз только затуманивает головы людям, не посвященным в дело. Мне не хотелось бы его употребить, но и сказать, что в тот момент эти три человека просто работали, было бы неверно.

Да, они спокойно, глазами знающих людей снова рассматривали декорации, как бы говорят в театре, установочку длинного, уходящего в глубину огромной вахтанговской сцены коридора Смольного института, да, они перебарывались короткими деловыми репликами.

— Как, Борис, не слишком ли глубоко?

Шуклин, всегда отвечавший не сразу, медленно отнимал:

— Вот думаю...

Пауза.

И нетрудно было понять, что каждая дума о необыкновенном актеровском выходе, потраченном воображении.

Ленин... Если искусство переносит прошлое в настоящее или, наоборот, возвращает нас в прошлое, если его чудесные силы делают нас живыми участниками минувших времён, то как достигнуть этой чудесной силы в революционной драме первого явления Ленина в Смольном? Вот какой смысл имели вопросы друг к другу и мысленные примерки к декорации с долгими паузами между словами.

Огромный зал отражал на своих бегах стенах яркий свет открытой во все шири сцены. Извне тихо, огладало доносився шум московского дня. Мне посылались, будто где-то впереди нас, в партере, кто-то подхихнул, но я знала, что сюда никого не впускали, и подумала, что мне это нечуждо было в непривычной тишине театрального зала.

— Пойдём попробуем, Борис!

— Да, пора.

В отношениях с Борисом Васильевичем в среде товарищей по вахтанговской школе была огромная простота, отставшая с чистым уважением к его огромному таланту. Шуклин никто не завидовал, а он был тем художником и тем человеком, который своим духовным обаянием и моральным превосходством сам и по-своему определял отношения с окружающими его людьми.

Нарочито восторженно покрывая, Борис Васильевич поднимается с кресла.

— Умагла, — говорит он, — умагла.

Со стороны можно подумать, что этот человек, склонный к доброте, в самом деле тяжёло на посылке, но дело, хотя по-моему, знаем, как он лёгок и ластивен до изящества, как музыкально ритмичен.

Жена Б. В. Шуклина — артистка театра имени Вахтангова Т. М. Шуклина гриммурует Бориса Васильевича перед спектаклем.

Сцена из спектакля «Человек с ружьём» в театре имени Вахтангова. В роли В. И. Ленина — народный артист СССР Б. Шуклин.

Вдруг торжовито обернулся и склонил ухо ко мне. Шуклин почти шепотом спрашивает:

— Ну, автор, как прикажешь выходить? А?

Что я скажу, что я могу сказать, если отлачно внятно, что мой авторство — лишь первый робкий эскиз, ученическая работа? Только он, Шуклин, мог наполнить жизнью эти малявские сцены, где в плесе являлся Ленин.

— А? — вполголоса быстро продолжает он. — Громко выходить? Медленно? Может быть, читать газету? Выбежать, выскочить? А?

Я понимаю, это вопрос, с каким часто принимается за самую трудную работу анал, владеющий своим мастерством в совершенстве. Не дожидаясь ответа, как надо выходить на сцену, Шуклин удаляется от режиссёрского столика вслед за фигурой солдата в шалке проёбт первой мировой войны, с винтовкой на ремне. Это артист Толчанов в роли солдата Ивана Шад-

ражанными партнёрами, которых дова нет. Но, видимо, и он волнуется, так как его пантистические жесты к невидимым людям и слова, обращённые к ним, получаются столь рывальскими, что в какой-то момент на какие-то секунды забываешь репетицию.

— Хорошо! — кричит ему на сцену Симонов. — Хорошо!

Но Шуклин прерёт повторить этот проход сначала. Эту наско ещё раз увидит, как бродит загорявшийся в Смольном солдат. Это громадная внутренняя работа художника... Борис Васильевич ни словом не намекает, зачем это ему нужно, и, как всегда, мягко и тихо обращается к товарищу.

— Сделаю одолжение, пиграй ещё раз.

Снова выходит солдат с чиником в руке и с ружьём за плечом, которое он никому не показывает. Вот он идёт в зал уславленной зарплате точки, когда из глубины коридора должен появиться Ленин. Он должен вступить на сцену в то же самое мгновение, когда в оркестре вступает новая волна музыки, — иначе песня раструится, солдат будет стоять без дела, картина потеряет ажине, всё пропадёт.

Шуклин вступил с такой неожиданной стремительностью, с такой энергией, перерождённый, неузнаваемый, что я и на себе почувствовала, какой сильной припад удивления и радости в одно мгновение сообщит он зрительному залу. Быстро и чётко, собраный и неустрашённый, шёл к нам не хорошо знакомый человек, а кто-то другой — удивительно обязательный и деликий своим одухотворением.

Никогда не забуду этот первый мизансценный.

Партнёр несколько отшатнулся, когда с ним поровнялся Шуклин. Потом гуг же, не пропуская его удомо, тихо с губоубайшей навязностью произнёс:

— Уважаме, где бы тут чайку мне?

Тот момент было найдено. Грошадный до той поры пугающий нас своей сложностью образ напел художественное воплощение... Сами актёры оживились, рождалась уверенность, что дальше пойдут импровизации, которые снизят смысл и значение найденного. Никто не говорил пока ни слова о том, что уже сделано.

Симонов отправился на сцену напировать там всю встречу солдата Шардина с Лениным. Теперь предстояла такая мажорская работа над сценическим рисунком. И когда он шёл между первым ярусом и барьером оркестра, то вдруг остановился в недоумении в третьем ряду сидела женщина и, закрыв лицо руками, рыдала. Это была наша старшая добросотенная сотрудникница-острамер. Кто-то крикнул ей лишь затем, чтобы проверить и выгладит костью на Шуклине, незаметно маяла его выхода на сцену и теперь обманывала себя, стараясь объяснить своего потрясения...

ИСКУССТВО БОЛГАРИИ

При первом знакомстве с изобразительным искусством Болгарии поражает обилие в этой маленькой стране художников разных творческих направлений. Только в Софии больше четырехсот живописцев, графиков и скульпторов. Каждый город имеет своих талантливых представителей этого вида искусства. Например в Тырнове, где число жителей не превышает двенадцати тысяч, работают восемнадцать профессиональных художников.

Характерная особенность в творчестве болгарских живописцев — преобладание пейзажа. Это явление нельзя объяснить только наличием в стране красивой горной природы. Дело в том, что многие годы фашистского режима художник был вынуж-

ден уходить к пейзажу, ибо композиции на народные и бытовые темы считались крамолой. Даже самая безобидная картина, отражающая условия деревенского или городского труда, расценивалась как

бунт художника против существующей власти. Поэтому-то и родил романтический полет. Писались они в строгом секрете и впервые выставляются лишь сейчас после изгнания гитлеровцев.

Творчество большей части болгарских художников испытало сильное влияние формалистических течений французского и итальянского искусства. Только сейчас заметен резкий поворот к реализму, естественное стремление к которому приглушалось жеманством не отставать от великой «моды». Надо сказать, что реалистическое болгарское искусство имеет древние традиции и тесно связано с историей культуры славянских стран. Стенная живопись XI века, отлично сохранившаяся в Божинской церкви, — замечательное свидетельство того реалистического направления, которого придерживались старинные болгарские художники.

Я побывал в мастерских примерно семидесяти художников и скульпторов Болгарии. Общее впечатление: много интересного и ценного; очень раз-

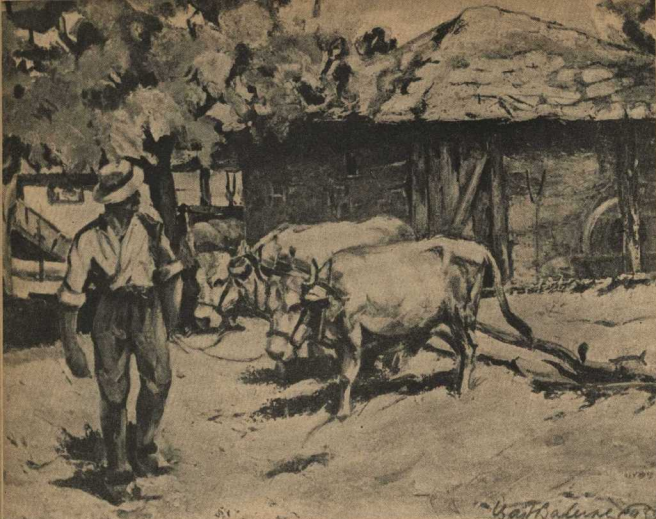

Иван Фунес.

«Мать».

Стано Стоматов,
«Полдень».

Цанко Василев.

«Крестьянский двор».

А. Стаменов.

Радомир Мендов.

«Перед грозой».

Димо Чоканов.

«Партизаны».

Проф. Дечко Узунюв.

«Арист Сарафов».

«Село Бояна».

личные по манере работы; заметны поиски собственного стиля.

Одним из наиболее крупных болгарских современных художников является большой мастер портрета и пейзажа профессор Дечко Узунюв, вице директор Болгарской академии художеств, отмечавшей пятидесятилетие своего существования. Излюбленная тема работ художника Владимира Димитриева-Майстора — крестьянский пейзаж и быт. В его полотнах, написанных широкими мазками, обилие света и солнца. Своим образом творчество крупных мастеров Димо Чоканова и Радомира Мандова.

Среди талантливой молодежи выделяется художник-график Илья Вешков. Его карикатуры сродни рисункам Курдюнских. За годы войны он дал много

работ, поднимавшихся до политических обобщений. В области живописи интересны поиски новых форм одаренным художником А. Стаменовым.

Сейчас в творческой жизни болгарских художников, объединенных в единый союз, наблюдается необычайное оживление. В Софии одна художественная выставка сменяет другую. Появляются новые произведения на современные темы. Жадный интерес проявляют болгарские художники к советскому искусству, правду о котором они узнали только теперь. Крепнущие культурные связи между СССР и свободной Болгарией, несомненно, будут способствовать развитию национального искусства болгарского народа.

Скульптор А. Валес

Илья Ильф

Неизвестные страницы

Из записных книжек

В предисловии к «Записным книжкам» Илья Ильфа, вышедшим в издательстве «Советский писатель» в 1939 году, Евгений Петров писал:

«Во время последнего путешествия по Америке мы купили пишущую машинку. Ильф очень улёгся ею. Ему нравился самый процесс печатания. В первый же вечер (это было в Нью-Йорке) он сел писать, вскоре — печатал дневник. Он собирался делать это каждый день. Но поездка была так утомительна, что на дневник не хватало ни времени, ни сил.

Вернувшись в Москву, уже смертельно больной, Ильф снова вернулся к этой идее и стал регулярно записывать свои наблюдения, но уже не в форме дневника, а в виде коротеньких самостоятельных записей. За последний год своей жизни он напечатал так около двух листов.

Эти заметки он делал весной 1936 года в Остфавсе и в Корезе, затем летом — на даче под Москвой, осенью — в Форосе и зимой, с 1936 года на 1937 году, — в Москве.

Эта последняя работа — не просто «писательская кухня». На мой взгляд, его последние записки (они напечатаны сразу на машинке, густо, через одну строку) — выдающееся литературное произведение».

«Записными книжками, вышедшими в 1939 году, не исчерпывается литературное наследство Илья Ильфа. Мы печатаем новые материалы из его записей, относящиеся к 1936—1937 годам. Рисунки Ильфа и фотографии, сделанные им во время путешествия по Америке, также относятся к последним годам его жизни.

Илья Ильф.

Один из последних снимков (публикуется впервые)

В долине Вайдарских ворот. Как строили киногород. Пресную воду привозили на самолётах и выдавали её режиссёрам по одной чашке в день. А у фаворита в пальто стояла целая бочка пресной воды. Это так волновало режиссёров, они так заведовали, что работать уже не могли и массами умирали от жажды и солнечных ударов. Долина талантов была перенослена трунами. Фаворит на первом верёвочке бежал в «Аксинию Нова», где его по ошибке схватили с антилопой на предмет получения мясистых гибридов. Гибрид получился солёнчестый, но какой-то очень страшный.

Декламация: Абао-Туман покрыл туман.

Палочки вынимают бошеную дробь о бабакинузу перепонку.

Он обязательно хотел костюм с двумя парами бровей. Портной не мог этого понять. — Зачем вам две пары бровей? Разве у вас четыре ноги?

Такой тут охматает Толя, фотограф, очень жизнерадостный человек. Когда садится играть в домино, громко говорит: — Ну, курс на сухую, а?

Галкиа, низкоробкие мальчишка.

— В конце концов, я тоже человек! — вскричал он, появляясь в окне. — Что это, дом стамбу или... Он не окончил, так как сообразил сам, что это давно уже не дом стамбу, а это самоё «или» и есть.

В приёмушку Сокоз писателей вошёл бритый человек в дезертирской вытгой

куртке и сказал, что он двоюродный брат знаменитого писателя, что он возвращается на родину, что в дороге его обокрали, что он с женой и ребёнком нуждается в помощи — деньги на билеты, на харчи и прочее. Секретарша пошла в кабинет и вышла оттуда с сообщением, что Союз не имеет средств на пособия двоюродным братьям писателей. Двоюродный брат мягко сказал: — Да ведь он вам всё вернёт! — Но, увидев, что и это не действует, вдруг завыл с ослепительностью старого стручка: — Где же прогресс! Где же культура! — Он ещё долго вопил: — Где же прогресс, где же культура! — с таким видом, словно ни минуты не мог обойтись без культуры и прогресса. Конца этой сцены я не знаю, я ушёл.

Дом обвиняемого адвокат называл жилищной.

Директор знал, с кем имеет дело. Каждый свой шаг он обдумывал на двадцать шагов вперёд, как Ласкер.

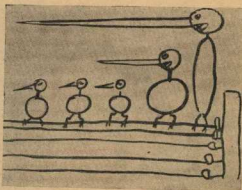
Фабрика пряностей «Сингапур».

Папиросы «Дефект».

Синглазые старухи.

Сентрал парк — это парк, в котором гуляет автомобиль.

Открылся новый магазин. Колябса для малокровных, паплетты для невращающихся. Пешконаты, покупайте продукты питания только здесь!

Рисунки И. Ильфа (публикуются впервые).

Дача «Выговор».

Из ледов в Нью-Йорке поднимается дым. Пыльный Чарльз кричал, что это дышит великий город.

Как пролетают палесос в Америке. «Ваш старый палесос — это очень хороший прибор, но вы, наоборот, замаскили, что вместо с пылью он высасывает часть вашего ковра».

Расскажите это вашей бабушке после двенадцати часов ночи, как говорят американцы.

Худая, некрашенная, поехала на ангела, Марк Дуба. Лопатки у неё торчат как крылья.

«Двенадцать часиков пробило. Вся публика домой пошла. Зачем тебя и полюбил. Чего хорошего намша».

Всё войдёт и раскалённая площадка перед четырёхэтажным корпусом, и шум вечного слышащегося несква и нонна паралет, слишком большой для такой площадки, и гуман, один день надвигающийся с моря, а другой — с гор.

Бесконечные коридоры новой редакции. Не слышно шума боевого, нет суеты. Честное слово, самая обыкновенная суета в редакции лучше этого мерцающего спокойствия. Аппарат громадный, торчитесь, следовательно, не за чем, и так не хватает работы. И вот все потихоньку привыкли к безделью.

В этой редакции очень много ванн. Но ведь и прихожу туда не купаться, а работать. Между тем работать там уже нельзя.

Товня, девушка, которая очень скучала в Нью-Йорке, потому что её не охватывали. Она сама так сказала. Некогда выразилась в том, что танцам она не обучается и английскому языку тоже. И вообще редко выходит на улицу. У неё ребёнок.

На таких бы сотрудников набрасывались. — Пишите побольше, почему не пишете? Так нет же. Держат равнение. Лениво прищипывают. Делают вид, что даже не особенно нуждаются.

Уже похороны походят на шахматный турнир и турнир — на пышные похороны.

Весёлые паралитики.

В одной комнате собралась сумбуришка, какафонисты, бракоделы и ласкуны.

Встретил коварного старичка в золотых очках.

Дом отдыха, переполненный брошенными жёнами, худыми, некрашеными и старыми, соподобными с умом от гор и неудовлетворённой страсти. Есть от чего сойти с ума. Мужчины бредовые от страха. Белые, выкрашенные известкой колонны сами светятся. На омовенных фресках деловито осыпывают поэты. Брошенные жёны смотрят на них с благоговением и надеждой. Поэты домаются, говорят неестественными голосами. Мы подымаемся и идём в памятник Пушкина, Александру Сергеевичу, тонкокожий, в браках со штрипками, вдохновенно смотрит на Г. К., который согнувшись бежит на амьжж. Мы возвращаемся назад и видим чудного с прогукки Борю в коротком пальто с воротником из гималайской рыси. Так идёт жизнь, не очень весело и но совсем скучно. Вечером брошенные жёны танцуют в овалном зале с колоннами. Здесь был пафос с нимфами, но детали из хозяйствования их заштукатурили. Брошенные жёны вышурт со страстью, о которой гоалько могут мечтать мексиканки. Но старые поэты играют в шахматы, и страсть остаётся неразделённой.

Огромный мост в Сан-Франциско, подвешенный на стальном тросе, толщиной своего олово метра в диаметре.

«Мы отвалились, совершат, вдоль троса небольшое путешествие».

— Сыры, — сказал ним хистер Адамс, говоря в него и почти повиснув на тросе, — мне ещё никогда не приходилось видеть такого троса. Это очень хорошая трос».

А теперь мы подымаемся ещё выше, — предложил проводник, — до самой вершины пикала.

Но как невозможно было оторвать от троса».

«...Некоторые горожанки принимают героические меры, чтобы хоть чем-нибудь отделиться от своих однопикальных собратьев. У одного в город вывешиваются вывески Ну, совсем как над входом в лавку, чтобы покупатель знал, чем здесь торгуют».

Результатив! И надпись в стилистике «Климат best by Government Test» — лучший климат по одностороннему правительству. Батес торгуют климатом».

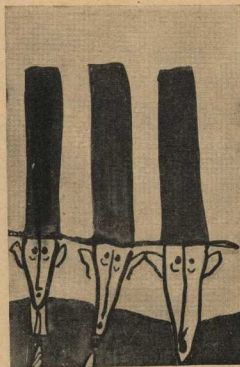
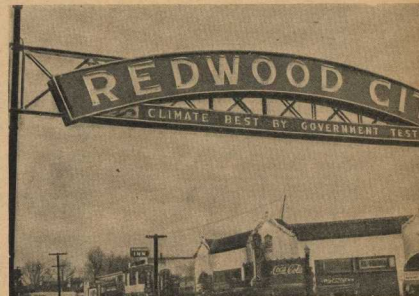
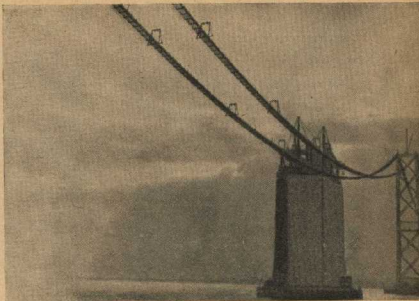

Рисунок И. Илфа (публикуется впервые).

З. пишет рассказы, короткие как чеки.

Шофёр рассказывает, что на чердаке у него жили два «зайчёнিকা».

Кроме того, что он был стар и уже порядком омертвела, он остался мальчишечком, милодушным и впечатлительным.

Перед приходом он сиял как рыжий ангел.

Кроме того, что она была похлалемма и дуря, оказалось ещё, что она незнакома с представлением о равновесии. Поэтому в первый же вечер она свалилась со стола и сломала себе руку. Руку вылачили, но это ничему не помогло, и весь год она была посуду. У неё были сапелые глаза индидиоти.

На рейде погрескивают моторы дельфинных шхун, визит над водой гранитных дым. По набережной бредут экскурсанты с высокими двурогими тросточками. Ехал в автобусе с красными бархатными сиденьями.

В конце концов, всё, написанное по части пограничной романтики, есть всего только прямое имитационное, ни разу не достигшее уровня подлинника.

Пришла командант, чтобы повесить, как он выражается, «калла-качела».

ИСТОРИИ КИЛОМЕТРОВ НАД АРКТИКОЙ

Кажется, в «Буряке» Нарезный пишет, что «буря есть малое подобие великодушного Рива». Так это приятно и честно написано, что стало жалко — столько времени прошло, а роман всё ещё даже не начат.

«Жуки молодой, здоровый человек, умеющий ездить на велосипеде, для изобретения научных наблюдений. Оплатя по соглашению. Площадь предостается». Что может быть лучше? Быть молодым, здоровым, уметь ездить на велосипеде и подвергаться научным наблюдениям.

Анекдот о летуе, которого несут к часосчику, потому что он стал течь в часе раньше.

«За нарушение взимается штраф». Вот, собственно, все сигналы, которые измещаются на наших автомобильных дорогах. Впрочем, попадаются и такие надписи: «Пункт по учёту движения». Пункт есть, учёта, конечно, нет.

Тексае, где кобон гонит своих коров, маленьких, ломатых и злых, как собаки.

И в этот тихий мир, с тихими разговорами, он влез со своей трагедией: — Я ей говорю... А она как смеётся... — и так далее.

Почти втрое, или более чем вдвое. Но всё-таки сколько это? И как это далеко от точности, если один математик о тридцати шестом годе выражался так: — У нас сейчас, грубо говоря, тысяча девяносто тридцать шестой год. — Грубо говоря!

Редактору современной литературы, у которого разболелся газет, известный профессор совершенно серьёзно советовала перейти в отада классиков. Он сказал: — Если бы вы читали Флобера и Гюго, несомненно, что газета пострадала бы у вас значительно меньше.

«Мишенькины руки панхины звуки могут передать на фокстрот».

Гуляние. Ходила здесь молодая девушка в кирееном шарфе и голубых чулках. Выли молодые люди в розовых носках. Фигуранта футболка с чёрным воронкином, носчик которой провонял местного кооператива заявля, что этот явет совершенно не маркий.

В картину появляются девушки и, кажется, будто играют перья розы. Но потом они вдруг исчезают куда-то и больше уже не появляются. Представьте себе «Ромео и Джульетту» без Джульетты. Похоже немного на сцене, ошеломляющий Ромео, конечно, уйдёт.

Выступала девушка, чернотелая, с широкими помпехийскими бровями.

Волшебный оркестр — самодетальный дядя. Каждый умеет играть, все умеет петь. На пианинох играла маленькая девочка была большая и толстая, похожая на дорогу заграницу куклу.

Он был в таком возрасте, когда вообще правды не говорят. Болелин возраста.

Школа тише. Маленькая учительница держит себя с достоинством командира дивизии. Тут потирают оцепенение от танцев руки, серьёзно следят за учительницей. У одной девушки за бретелькой шарфика была зашнурована, с которыми она пришла. У другой был порван глаз. Все дышала здоровьем.

Красноносая учительница музыки.

В асфальтовых кафе тихо попискивают девушки, раздаваемые дикой красотой разноцветных зонтов.

— Я от этого парохода нервный стал, — сказал капитан. — Как только мы волюбрились на пароходе, обнаружилось, что этот паровозикое. Составная акт. Это так распространено повари, что бабла, им изготовленные за эти два дня, поражали несаманной приуменьшью. Диваны в каюте были обиты светлокоричневой искусственной кожей. В каюте обиты. Было жарко, простыни сломажи, и каюта принаила к голому телу.

«Босая, средь холмов умбрийских, она проходит Дамь-Нашета».

Странственная книга петровских указов. Она принадлежала раскольнику, и он на полях вставил поштиваги: «Зря».

Пастушеские. Дворовый скучный пёс Максик.

Об этом уже надо писать статью под названием «Жизнь это — не изобразуемо». Пароход в двадцать девятю гоау совершает путешествие из Нью-Йорка в Шербург за четверо суток. Это рекорд, которого не превзойдёт даже «Квин Мериан» тридцать шестом гоау. Некий молодой человек раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бесполезное — это не там и не качалочка звал «молитвенный зетин». Я таких не видал ни в Ватуми, ни в Каолириони. «Маджестик», новый французский пароход, пришёл в Иффу. А он английский. Новая и в Иффу не ходит. Нет, нет, Жан, это — не изобразуемо!

Когда я заглянул в этот список, то сразу увидел, что ничего не выйдут. Это был список на развуду каварти, а нужен был список людей, умеющих работать. Эти два списка писателя никогда не совпадают. Не было такого случая.

Чёрный югр с серыми губами.

Если большое явление рассматривать с маленькой точки зрения, оно не становится от этого меньше. Нельзя относиться к Нью-Йорку так, как это сделала бы санитарный инспектор.

Справедливость критично. Они раз я, другой раз ты. Равноправие идютов.

Бесчувственная, асирская, жажда жизни и наслаждений.

Фарфорозу вазу она очень любила и называла «банкой».

Деревянная голова. Твёрдая, как оплодурившая ясени.

«Ярпюк, по возбуждению настоящего дитя, тридцать слераз в качестве простого свидетеля, но затем был привлечён в качестве обвиняемого и в этом качестве скончался».

Страна, населённая детьми.

«На нашем месте я бы сидел на месте».

Мамы истини говорила чудным музыкальным русским языком.

Если бы глухоумные выбирали себе парня, то человека, который говорит хоршо, они бы не взяли. Слишком велик был бы контраст.

Она была так ошеломлена тем, что увидела, что вылезла из комиты и тут же в коридоре превратилась в растение. Это называется «История одного физика в зелёной кадушке».

Время шло к осени. Всё чаще извещал с океана штирмовый ветер, змурился и заплыл почерневшей Енисей, всё чаще слышался плажный снег и по утрам в тумале на болотах блещет токий лес. Солнце утрагило свою жизнеутвояющую красоту, в тьмоту, уныло шумели облетающая листвою карликовые деревья.

Весной раз невзастая осень вызывает тоскливое чувство у людей, живущих на Полярном берегу. Но в тот тяжёлый осенний год она была особенно тягостной: уходили последние дни полярной навигации, а в Дувдинск порт ещё не прибыли корабли, везшие станки, машины, инструменты и продовольствие для строительства гигантских металлургических заводов в Норильске.

У подножья безлесных гор Норильска, в болотистой тундре Тамары с немалыми усилиями надиремесом выкатились корпуса заводов и фабрик, строились рудники и шахты, прокладывались дороги. Осылая, из глубины тундры, должен был хлынуть поток смертного металла. Враз начал дуть опрорных работ на Крайнем Севере, в том числе и на Таймыре. Германское командование послало в разоблачение свои оборонные экипажи подводных кораблей для охраны и атаковать караваны судов, плавающие вокруг Сандвичевых островов к Северному морскому пути.

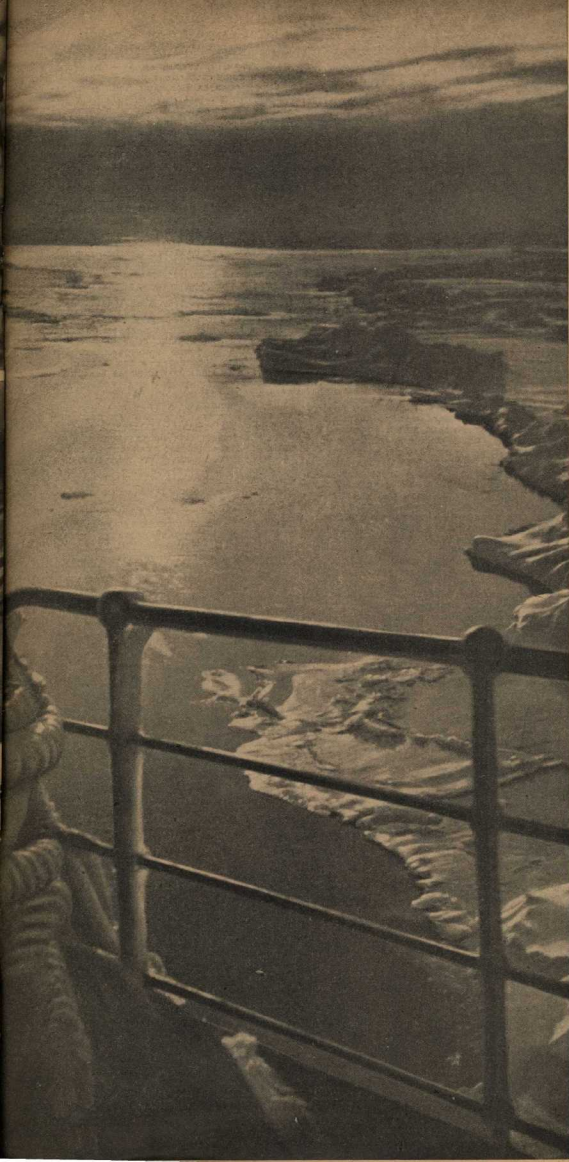
Жесткие морские бои шли в Баренцовом море, вскоре войны ворвались на Новую Землю. Над советскими кораблями, плававшими под конвоем траулщика, нависла смертельная угроза внезапного нападения подводных рейдеров, транспорты вынуждены были отставаться в полных бухтах. Отставаться... Когда дор каждый день и каждый час, когда на Оби и Енисее, на полярных станциях и в арктических селениях с нетерпением ждали кораблей...

В ту пору на Крайнем Севере работала знаменитый арктический пилот Иван Иванович Черевичный. Ему поручили веста ледозуа разведку в океане, конвоировать с ледозуа суда и держать связь с берегом. Полёт над океаном в те времена обстановку был сопряжён с огромным риском. В тумане, снепаде или дожде лётчик часто не мог видеть всплывшую подводную лодку, а она имела возможность заранее определить приближение самолёта по рёбрам аэроплановых моторов и встретить его жестоко зенитным огнём.

Огромный опыт, приобретённый Черевичным за долгие годы работы в Арктике, очень пригодился ему при выполнении военных заданий. По двадцать часов находился он в непрерывных полётах, то барражируя над караванами, то изучая ледозую обстановку. Густой снег в дождь замаскировал бесстрашный вылет. Хвосты арктического неба улетали в океан в лютую погоду. В течение суток он покрывал огромные пространства.

Однажды Черевичный прилетел на базу и сообщил ему при выполнении военных заданий. По двадцать часов находился он в непрерывных полётах, то барражируя над караванами, то изучая ледозую обстановку. Густой снег в дождь замаскировал бесстрашный вылет. Хвосты арктического неба улетали в океан в лютую погоду. В течение суток он покрывал огромные пространства.

Однажды Черевичный прилетел на базу и сообщил ему при выполнении военных заданий. По двадцать часов находился он в непрерывных полётах, то барражируя над караванами, то изучая ледозую обстановку. Густой снег в дождь замаскировал бесстрашный вылет. Хвосты арктического неба улетали в океан в лютую погоду. В течение суток он покрывал огромные пространства.

увидел всплывшую подводную лодку. Показалась её перископная башня, немцы уже открывали огонь, в тот-то должили были поплыть на стальной палубе. Лодка находилась на пути каравана и, очевидно, перед нападением на него, всплыла на зарядку аккумуляторов.

Нужно было немедленно действовать, или стремительно лететь вперёд, ускользая от зенитного огня, или идти в «электрическую» атаку — без бомб и пулемётов. Черевичный решил отогнать редею с пулемётов каравана. Сообщил по радио: «Виджу подводную лодку, вижу стазу», — лёгкие переключил курс и с ревом и гудом ринулся на широты. Немцы, опасаясь глубинных бомб, торопливо вспесали под водой.

Черевичный стал преследовать лодку. Гитлеровщина нужно было взорвать аккумуляторы, они вскаки удобное мгновение, чтобы всплыть и зенитным огнём уничтожить крылатого разведчика. Но стоило только появиться перископу, бураву над перископом, как Черевичный бросился к этому месту, и немцы опять скрылись под водой. А тем временем к месту воединка уже спешили бомбардировщик и катера-охотники. Море отдалось страшными взрывами. Бомбы методически рвали под водой. Немцы оказались в ловушке. Ещё несколько взрывов, и из глубин моря поднялось на поверхность мульткоординатное пятно солера. Лодка погибла.

Во время войны Черевичный трудился азартно, помногу, весь отдавался ледовым разведкам, котворованно караванов и доставке срочных грузов в отдалённые участки Заполярья. Придётся заниматься ему и рискованной еразелькой погоды в глубоком тылу противника. Один, без охраны, пробирался он на самолёте далеко в глубь территории противника и анализировал там метеорологическими наблюдениями. Ему нужно было узнать, какова погода на различных высотах, куда движутся воздушные массы. Подобные сведения имели важное значение для наших метеорологов, составлявших карты погоды на последующие дни; пользуясь этими прогнозами, советская бомбардировочная авиация совершала дальние рейсы за линию фронта.

Черевичный принадлежит к числу тех лётчиков, которые носят в душе большую метру; он давно воспитал себя Крайнему Северу и из года в год методически занимается изучением его восточного сектора. Черевичного манит к себе Полюс недоступности, он стал охотником за «белыми пятнами», разведчиком неизведанных мест и неизвестностей.

Перед войной он совершил беспрецедентный полёт в высокие широты, обоснова на льдах Полярного бассейна лагеря и вместе с учениками занимался исследованием глубин океана, изучением движения льдов, погоды и магнитных явлений. Едва увидела военная башня, как Черевичный вновь занялся большой работой на востоке Арктики. В течение 1945 года он налетал за Полярным кругом 250 тысяч километров, а всего за десять лет служения Северу пролетел по слою лёдую вышку миллион километров полётов над снегами Советского Заполярья.

Недавно мы были в гостях у И. И. Черевичного. В Доме поларников, на Невитском бульваре, сидел за ледяными столом лётчик. В обличье Черевичного есть, что-то от древних мореходов и землероходцев. Ещё по Северу нам помнилась его высокая фигура в меховом лётном костюме, его смуглое с крупными чертами лицо, с крепким подбородком, широко разметнувшимися чёрными бровями и по-соколиному быстрыми глазами. Таким он выглядел и теперь. Перед Черевичным лежала карта Полярного бассейна, предельная искусно выточенными из кости китом и фигурами белого медведя и моржа. Полярки чукотских мастеров напоминали лётчику о дальних краях, мысленно он и сейчас был там, где раскинулись в Полярном бассейне «белые пятна» — ещё неизведанные и загадочные районы.

— Вот здесь, — Черевичный указал на льды высоких широт, — здесь кроется тайна Арктики, Сюда я и отправлюсь. Мы ещё не раз будем стирмовать «белые пятна, изучим неисследованную часть Ледовитого океана. С этого я начну второй миллион километров полётов над Арктикой.

Такова Арктика, страна вечных льдов.

Фото Вл. Микши

Лиза. Но так случилось, и Лиза осталась одно — дарила девочке вещь величину, чтобы оставить работать мать и сидеть поближе дома. Но каждый раз, когда Арази возвращалась домой, колыма на её руках были массивнее, чем могла купить мать, чужие толстые лужи кровли.

Наступил день, когда Большая Лиза, возвратясь поздним вечером с работы, точно знала девочку, — а её и след прощай. Арази продолжала приносить подарки. Она складывала их на кровать, где они ждали возвращения Арази.

Мать не знала, что у Арази будет больше. Арази отсутствовала около полугода. Большая Лиза считала дни и недели, по известиям о девочке не приходили. Их не было до тех пор, пока человек, посланный из больницы, не предложил матери прийти повидаться с дочерью и внуком. И Большая Лиза пришла, чтобы услышать, что Арази просит назвать ребёнка Раймондом, и увидеть, где дочь умирает.

Это была длинная, светлаякожий ребёнок, с большими мутными глазами. Казалось, они смотрят прямо на Лизу. Через несколько дней люди из больницы сказали, что ребёнок родился слепым.

Большая Лиза обшла своим дом и объяснила, что в течение некоторого времени ей не придётся у них работать, так как она должна присматривать за внуком. Дамы это было очень нехотали, они привели доказательства usefulness Лизы. Однако свою досаду они выразили только пожатием плеч и несколькими произнесёнными халясным тоном словами. Дамы, какая про себя, пришла к одному и тому же заключению: они слишком хорошо относились к Лизе, и вот как претельно несмотря ни на что, она поступила. «Ах, эти игры», — говорили дамы своим друзьям, — все они такими... Большая Лиза всегда была бережливой женщиной. Поэтому денег, оставшихся после похорон Арази, хватало на долго. Сначала страх совсем не посещал её. Он пролегал с ней только тогда, когда одожила, проснувшись, она вдруг почувствовала, что ночь неподвижно повисла над следующим днём.

Раймонд сплюнул и терзала лежать деревянным ящиком и протянула твёрдую хрупкую ручонку, точно стараясь поймать звуки, которые заменили ему свет и краски. Одно время казалась, будто он свободно и уверенно двигает ручками и ногами ног Лизы. При этом он выслушивал в те дни, приходилось даже различать, что он слышит. Это было, когда он ещё не начал ходить. Это время быстро промчалось для Большой Лизы, вышедшим ей в те дни, приходилось даже различать, что он слышит. Это было, когда он ещё не начал ходить. Это время быстро промчалось для Большой Лизы, вышедшим ей в те дни, приходилось даже различать, что он слышит.

А потом прошло, казавшее, опять совсем немного времени, и он научился самостоятельно одеваться, открывать входную дверь и расширивать ботинки на усталых ногах Лизы. При этом он выслушивала с ней глухим медальным голосом.

Большая Лиза существовала случайными заработками. Соседи, узнав об её шлохости, вместо от времени звали себе постричь без чашки, убрать комнату. Случилось это не часто, но это называло рассчитывать. Лиза стиралась к своим делам уходить, не знаят ли они снова воспользоваться её услугами. Но уже

после первого посещения понимала: это безнадёжно. «Ну, знаете ли...» — говорили дамы и пожимали плечами.

Страх овладевал Большой Лизой и не отпускал ни днём, ни ночью.

Раймонд не подозревал, что на свете существует слепой. Когда он подрос и ему позволяли выходить на улицу, Раймонд, но было предельно. С высоко поднятой головой повывался он среди двора, перед поворачиваясь дерчинным домом, и медленно поворачивая голову за ту, то в другую сторону, точно воздух был нежной влагой, в которую он сладостно погружался. Улица была спокойная. Сюда не ездили ни грузовики, ни легковые машины; улица утирала в отдалении кутурю, неяривало сваянных пружинных матрацев, ожигавших свой без ржавых керосинок, касторек и чибиков. Наверху этой кутурю играли дети, а женщины и женщины сидели у раскрытых окон домов и перешакивались, весёлыми, сотными голосами. Раймонд слышал смех, смеялся в ответ и постигала руки наветрую смеху.

Когда Раймонд вырос, он и дети перестали играть, окружая его и разглядывая, точно зачарованные. Им уже раньше рассказали о его несчастье, и они испытывали что-то вроде болезненной жалости. Они мало говорили с Раймондом тихим, ласковым голосом. Раймонд заедался и протянул наветрую голову руки, — питательные, вкрадывавшиеся ласками сладостно. Дети резко подались назад, они испугались, что их коснулся эти странные руки. Затем, точно застылавшись собственного шума, они оставались, а он этого даже не заметил. Они приятно поворачивали и упирали ушами, но всё же продолжали издали наблюдать за ним.

Тогда удалилась, Раймонд двинулся дальше. Он сагался, Носил ружья и охотничьи ружья, которая тнулася вдоль грязного тротуара, тиклохо напевая и неспешно шагая вперёд. Некоторые из слышавших у окон мущин и женщин кричали ему «холод», он отвечал им, что ему тепло. Улыбался. Когда дети, забыв о своем шлохе разглагольствовали и до него доносился их крики и взрывы хохота, Раймонд останавливался и облизывал на звук, словно тнулася к солнцу.

Вечером он долго рассказывал Большой Лизе о дневной прогулке и тиклохо мурлыкала, вспоминая, как смеялись дети. В ненастную погоду он оставался дома за своей работой и всё день мечтал, что завтра непременно выйдет гулять.

Соседи в мору возможности помогали Лизе. Они советовали Раймонду поинтересоваться детскую одежку, приносил ему и дарили всякие вещи. Протянула кое-какие деньги, Большая Лиза молилась, чтобы господа помог ей протянуть слышащую. Так продолжалось до тех пор, пока наступила зима, когда работа понавлялась ему режже, и она перестала молиться о лучших днях, потому что даже не смеяла о них думать.

Миссис Юнг — вот кто спас Раймонда и Большую Лизу от гибели и дал им возможность остаться вместе. Большая Лиза говорила, что и тогда и даже позже она считала себя слепой, а миссис Юнг — она готова была молиться за неё по ночам.

Миссис Юнг — значительное лицо в городе. Когда она отдала в Ричмонд или возвращалась домой после осмотра здания в садах Чарльстоуна, газетчики неизменно отомчали это событие. Она считалась весьма выдающейся благотворительницей, именно она, а никто другой, пригласила и регулярно устривала турниры игроков в бридж.

Большая Лиза работала у миссис Юнг прачкой ещё до того, как повлился на свет Раймонд. Короче в доме Юнг могло бы много рассказов о других женщинах, но не приносили добрых результатов. И вот миссис Юнг снова взяла к себе Большую Лизу. Она, со свойственным ей обяте-

Большая Лиза ходила по домам богатых, праздыных людей, занималась мелкими и крупными поштурками. Она — прекрасная работница. Кое-что даже говорила ей об этом в газете. Она была большая, очень большая женщина с медальными движениями. Лицо и тело — сплошь густого, ровного тёмнокоричневого цвета, только пальцы и ладони складывались красными, как резина, от пара и мыльной пены. Она была так медлительна из-за своих размеров, из-за опухших вследствие расширения вен ног, из-за непрерывно доминировавшей её боли в пояснице. Она не боролась со своими недугами, не протестовала, не оспаривала их проклятиями. Недуги выпали ей на долю — пусть так и будет.

Много чего выпало ей на долю. Умер муж, так бодро переживший недуги. Один её ребёнок погиб во время ужасной катастрофы, двоих унесла болезнь. Если бы они имели свежую пищу, светлую комнату и чистый воздух, болезни прошли бы, как зимостая неприятность. Только самая младшая — Арази — выжила и выросла.

Арази была высокого роста, не такая тёмная, как мать, и очень худая. Её тоненькие, как трубочки, ноги, с широкой ступней и выходящей пяткой напоминали детские рисунки. Делалась она сутулая, низко опуская голову над влажной грудью, выходящей вперёд живот. Она была совсем молоденькая, а за неё уже воевались мужчины.

Арази ещё считалась молодой девочкой. Когда это и выпало на долю Большой

ным самосожжением», извинилась перед приятельницами за свою слабость: «Она пишет, — сказала миссис Юнг про себя, — что она гуря. После столько лет приют утца, как поступила с ней эта Азния. Но ведь всякий, — сказала она и засмеялась своим обычным коротким смешком, — всякий может её обжить, своим талантом её развлечь. Такой уж у неё характер. Недаром мистер Юнг часто называет её счастливой маленькой простушкой.» Вирочем, она повторила эти слова только в присутствии мистера Юнга.

Большая Азния не находила слов, чтобы стбавогорить миссис Юнг. И в самом деле, работа почти обеспечивала Азнию. Но миссис Юнг держала её в состоянии вечной неуверенности, нависавшей над ней, и в самом деле звучало убедительно, что бесчисленное множество женщин позорное и поростороннее Азнию также нуждаются в работе.

Под давешним страхом и из чувства благодарности Азния так усердно исполняла свои обязанности в доме миссис Юнг, что даже удостоилась благодарности за блестящее состояние, в котором содержала столовую блядь, блядь миссис Юнг. Но миссис Юнг молла рос чрезвычайно быстро. Но утцам Азния казалась, что он вырос за ночь. Каждый день он превращался и заново переживал свои прогулки. Теперь он уже не привалялся ничем, а только привычки к нему, мужички и женщины, выглаживавшие в окна, перестали его охладить. Раймонд но замечал этого. Он звалку руку, усаживая чей-нибудь случайный посетитель, нависав на ходу свои песенки и обрабатывая, если кто-нибудь смеялся.

И вдруг счастливые дни оборвались. Неожиданно наступила зима, да такая суровая, что старикам, ветеранам и не могли припомнить подобной. У Раймонда не было подходящей одежды. Большая Азния старательно чинила пальто, но оставляя ткань респондасьясь локмотьями, как будто она пыталась, сдерживая её приходить. На помощь соседям рассчитывать не приходилось. Все, что у них было, они в силу необходимости бертали для себя. В один из этих тяжёлых дней Большая Азния диней какой-то пет и терпеливо поманила маленькую собаку хозяйки. Паника охватила город, сошло пожар сухой кустарник. Темнокожие гнали с наемных мест, не лавная работы. Но миссис Юнг была, по обещанию принавив, настолько многоосудочной, что это даже могло привести к ошибкам и поставить её в опасное положение. Миссис Юнг не уводила свою темнокожую глечку. Больше, чем когда-либо, Большая Азния должна была благодаровать миссис Юнг.

Всю зиму Раймонд просидел в комнате. Старый саитер Большой Азнии прикрывала его пальто. Как ни мал была Раймонд, он лавил в этом вольности ила правды — с самим дьяном, когда он, гордый и счастливым, разгуливал по улице и смеял звучал в его ушах. Он но мырлся со своим заточением и никогда ни о чём не спрашивал.

И вот в один прекрасный день наступила весна. Раймонд узнала это даже в заточении, лавонном доме и заплакала от радости. Он скоро снова выйдет на улицу! Большая Азния пришлось объяснить мальчишке, что открыл уже не смогут его согреть; у неё нет лишней работы, а значит, нет для него обаяния и платая. Раймонд не разговаривала больше об улице.

Большая Азния решила на то, чего никогда до сих пор не могла вымолвить: нужные вещи у хозяйки. Она попросила подарить Раймонду старую одежду мистера Юнга. При этом она упорно разглагольствовала под так невнятно произносимая слова, что миссис Юнг прикрывала разговор громче. Поняв, в чём дело, миссис Юнг была поражена. «Многие, очень многие, — сказала она, — выхвают к её великодушию! Азния должна была понять, что миссис Юнг дала, что в её глазах, даже больше». Она высказала Большой Азнии

всё, от начала до конца и, наконец, побещала выгнать, не найдётся ли в доме что-нибудь подходящее. Но густая Большая Азния запомнил: миссис Юнг это делает в последний раз.

Когда Азния собралась домой, миссис Юнг собственноручно вынесла её светрток. «Вот, — сказала она, — костюм и ботинки. Это преспособные новые вещи, аллю подумают, что она сошла с ума, если увидят... Она просто не знает, как отнесётся к этому мистер Юнг, узнав, насколько она поблаговолит.»

Никогда не приходилось Большой Азнии видеть Раймонда в таком состоянии. Он прыгал, хлопал в ладоши, пытался что-то сказать, но из уст его вырвалось только радостный писк. Он сам вскрыл светрток, пальцы его оцупали жёсткую ткань, он прижал её к лицу и стал целовать. Потом надел ботинки и, шаркая и стуча, стараясь как бы чинчивыми пальцами удерживать их, пошёл. Он заставил Большую Азнию заколоть брошки в пласе и подвернуть обе штанины. Он летел, что вот, наконец, наступил завтра, он снова выйдет на улицу, давекать от смеха и уталока.

На следующее утро Большая Азния должна была уйти на работу к миссис Юнг. Ей хотелось, чтобы Раймонд оставался дома, пока она возвратится и сама оденет его в новый костюм, но, услышав его смех, не решилась сказать: «Обожди меня».

«Хорошо, выйдя в поле, — разрешила она, — когда солнце обогреть камнями. Он вьёт в первый раз во дворе, как бы не простудился, кто-нибудь из соседок поможет ему одеться.»

Соседка привнесла на сковороде холодную свинику и куктурунту аслишку. Она помогла Раймонду надеть брошки, повернула штаны, заткнула крепче штучки на ботинках, чтобы не падали с ног, пошепталась его и ушла.

Раймонд уже не помнила ветеранов — так он был счастлив. Он сидел, думая об улице и пел. Когда раздался обещанный гул, мальчик пошёл к комоду, вынул куртку и напялил её на плечи. Сердце билось настолько сильно, что когда он подворачивала рукава на своих худых ручонках, ткань куртки трепетала на его груди. Он с трудом сглатывал с лёгкими вешала странные ботинки, но в этой малозначности была особая прелесть.

Он вышел во двор и остановился. Лёгкий ветерок повел в лицо. Всё было хорошо, всё возвращалось к нему. Он бегот пошла вперёд, казался рукою рожетки. Он больше не мог утерпеть — крикнул и притянул: вот раздаётся весёлый расклев. Он засмеялся и стал жать: вот кто-то смеётся в ответ.

И услышала. Он обрадовался, спустился ограду, повернулся, протянул руки, полная уямбасье лицо. Остающийся — и вдруг уталося уямба, повертнулся и задрожала руки.

Это была другой смех — не тот, который он знала, не тот, которым он жила. Казалось, кто-то с силой хватал его локотком по голове, казалось, огромные зубы отдирали мясо от костей. Смех надвигался, наступила, чтобы уничтожить его. Смех косился, стараясь ударить смех, кружился, тапался грядом. У Раймонда перекривало дыхание. Он вскрикнул, попытался убежать, вырваться, упал, а смех вливал над ним, завывала ещё сильнее. Одежда сползала, ботинки свалились. Раймонд приподнялся, падал, казалось, улица встала надломом. Смех был, толкая его в спину. Он потерял ограду, не зная, в какую сторону повертнется, всхлипывая, аскала в пшай, в кропи, во мраке.

Когда Большая Азния поступала в дверь, он сидел на полу, забившись в угол комнаты, и плакал. Новый костюм, неравняный, пыльный всё ещё был на нём. Крошь запеклась на губах и на ладонях.

Сердце Азнии горестно смеялось, когда она не открыла её, как обычно, дверь. Она неистово закрывала, спрашивая, что с ним? «Варьял, стаг плавать громче и громче, до иступления. Азния долго не могла понять его слов. Он говорил что-то об уямбе, о том, что лив ним смеялся. Пускай Раймонд, пыльный всё ещё был на нём, скажет её на улицу. Большая Азния ни о чём больше не расспрашивала. Она ввела его на руки и стала укачивать, приговаривая: «Что ничего, это ничего, всё будет хорошо». Ии она, ни он уже не верная в эти слова. Но голос у Азния был ласковым. Раймонд согрелся в её объятиях, перестал дрожать, всхлипывая всё тише и тише.

Долго держала она его на коленях, покачивая спокойно и ритмично. Потом оставила на ноги и сила с плеч старий фряк мистера Юнга.

Перевод с английского
Л. БОЛЬШИЧКОВОЙ

Это был другой смех...

Новеллы о Петре

Серебряная посуда

Денег после нарвского поражения в царской казне не было. Вспомнил Пётр, что в Москве в Оружейной палате много серебряной посуды, столетиями накопленной. Отправил он приказ князю Петру Ивановичу Прозоровскому, чтобы всю посуду расплавить, порочивая на деньги в замоскворечном монастырском дворе.

Прозоровский в скором времени деньги прислал.

Через шесть лет Пётр победил под Полтавой и вошёл в Москву через Триумфальные ворота. Празднества Пётр любил. Торжество продолжалось с 18 декабря 1709 года по 1 января следующего года. Москвичи развели костры перед своими домами и поставили для армии на улицах столы с едой и напитками. Много было сделано триумфальных ворот. На Красной лошади, перед Кремлём, поставлен был

храм Трудолюбия и Подвигам. По сторонам храма — две большие пирамиды с разными картинками. На картинах изображалось овладение Балтийским морем и основание Кронштадта. Были надписи — одна из греческой истории Фукидида. Перевели её так:

«Всяк владения чужого желатель
Заого конца бывает выскатель».

Были ещё надписи:

«Зао начатое — злейший конец приемлет».

«Однакоже, надеясь на мир, не подлагит ослабевать в воинском деле».

На одной стороне пирамиды выставлялась была шляпа Карла XII, отнятая под Полтавой. Над ней тоже надпись: «Они ушли, победённые лучшим оружием».

Итак, шли русские полки в Москву через Серпуховские ворота. Звонили колоко-

ла, впереди войска шли двадцать четыре трубача и шесть литавричков. Потом гвардия Семёновский полк со знамёнами. За ним везли шведскую артиллерию, знамёна, музыкальные инструменты на возках и неисчислимое множество пленных со главе с генералами.

Пётр шёл пешком с полтавской шляпой в руках. Вечером должен был быть ужин не менее чем на тысячу порций. Пётр шёл в Прозоровского, спросил его:

— Ну, чем стою уберём?

— Посуду серебряной, — ответил Прозоровский.

— На деньги переделана, старик.

— Нет, Пётр Алексеевич, у меня была бережена довольноя сумма денег, а посуду я спрятаю, покажу её высокую работу, а деньги есть ещё.

— Покажи.

— Ваше величество, — сказал Прозоровский, — покажу, только не бери с собой фельдмаршала Меншикова. Он на разные дела искусник, но деньги размытарит.

Пётр Алексеевич ночью пошёл смотреть деньги в тайнике. Всё его Прозоровский с фонарём. В тайнике был ещё целый угол денег в мешках. Пётр отложил десять мешков и сказал:

— А это, Прозоровский, тебе:

Прозоровский ответил:

— Мне ласнее не брать. Я бы и всё взять мог, но мне победа любопытней да память о деле.

Вот мы и сохранили память о человеке, а посуду и сейчас можно видеть в Московском кремле в Оружейной палате.

Рисунок К. Елисеева.

Пётр Алексеевич ночью пошёл смотреть деньги в тайнике.

Позументы

Пётр заводил новые фабрики, давая привилегии и, как только начинала выработывать русский товар, закрывала для иностранного товара границы.

Открывали фабрики купцы, царедворцы, дворяне, даже один царский источник имел фабрику.

Иностранцы, вызванные для изучения русских новых промыслов, дела своего русским мастерам не показывали.

В Кааликиной саббоне в Петербурге, там, где Фонтанка впадает во взморье, стоял каменный дом в два этажа. Была здесь фабрика позументная, тесьмочная и чудючная. Фабрика ещё была казённая, в неё подмастерьям отдают самые смелые молодые русские люди, а мастера были немцы.

Для того чтобы поощрить прилежность учеников, Пётр велел, чтобы старшие из них каждую субботу после обеда приходили к нему во дворец, приносили образцы работы, и он выспрашивал их о том, как идёт обучение.

Борис Фёдоров, сын Шабалин, был наилучшим из учеников. Умео он делать шёлковые тесьмы и шнуры, и заправлял станок не умея, потому что мастер-немец при каждой новой работе учеников от себя отсыдал.

Борис Шабалин сделал в углу потока над мастерской малое отверстие и смотрел с чердака, как немец делает основу, и однажды в субботу донёс монарху, что он умеет поставить кросну и сделал основу для всех родов тесьмы.

Пётр взял Шабалина во дворец, дав ему станок, и в две недели Шабалин наладил станок и выткал новомодной тесьмы большой кусок весьма чисто.

Став Шабалин сперва подмастерьем своего ремесла, потом мастером, а немца отпустил домой.

Печь

Есть пословица «Дым без огня не бывает».

Но там, где много дыма, там огонь плох. Значит, можно было бы сложить пословицу: «Хорошего огня при дыме не бывает», потому что дым — это несовершенство топлива, которое так клубится и валит в небо.

Пётр смолodu узнал разные ремёсла, между прочим, и печное. Печками они интересовались во всю жизнь, понимая, какое значение они имеют в хозяйстве.

Однажды ехал Пётр в Петербурге мимо пивоварни купца Лапшина и видит: над пивоварней стоит великий чёрный дым.

Остановил Пётр двоекдуку, вошёл в пивоварню, видит: устье печи не закрыто, полка печки огнём, а хозяин стоит к печке спиной и Петру Алексеевичу кажутся в поше.

— Не туда смотришь, Лапшин, — сказал Пётр. — Чаю я, что ты не думаешь о бережении дров. Видишь ты только, что смолду Петербурга леса много и дрова дешёвые, и не рассуждаешь, что без берёжки и самые большие леса истребятся могут в самое короткое время. И нужно тебе за печки иметь присмотр и печь переделывать.

Тут он попробовал бумаги и начертал план печки, сказав:

— Когда переделашь, так я приеду посмотреть.

Художники Курянкины в студенческие годы в мастерской общедития Втутена.

Вера ГОЛУБЕВА

20 ЛЕТ работы ВТРОЕМ

Три молодых художника: Михаил Курянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов — Курянкины, — готовясь к первому творческому отчёту, четырнадцать лет назад писали:

«Чем 85 лет.

Окачались живописцем и два раза педагогической факультеты Втутена, но учились больше у Домье.

Восемь лет жили в общежитии.

1923 год — стенографист Втутена.

1925 год — начали печататься в журналах и газетах (первое время певцом).

Последние два года работали над плакатом, книгой, живописью и в театре.

Втроем лучше продумывать, лучше работать, лучше учиться...»

Так втроем они прошли большой творческий путь: минуло два десятилетия со дня появления их первой печатной карикатуры — дружеского шаржа на писательскую молодёжь, опубликованного журналом «Комсомолия» в начале 1926 года. Это был первый совместный шаг в большую творческую жизнь остроумных, талантливых художников, нашедших друг друга и объединившихся ещё в студенческие годы под крышей Втутенасы — Московской высшей художественной школы.

...Михайлу Курянову исполнилось шестнадцать лет, когда он решил уехать из чешского Тетови на Волге в Туркестан работать на угольных копях «Солюкта». До копей Михаил не доехал, остался в Ташкенте. Вскоре

управление копей, где он работал младшим техником, рассталось с ним — Курянов поступил в ташкентскую художественную школу. А в 1921 году, имея на руках путёвку в Петроградское академиче художеств, он добрался до Москвы. Баллет в Петроград достать не удалось, да и времени терять не хотелось, и Михаил Курянов поступил на полиграфический факультет Втутенасы.

Осенью того же года приезд в Москву с пайкой своих актрисей десятидвухлетнего младшекурсника инструментального цеха Тульского патронного завода Порфирия Крылова. Его зачислили на живописный факультет Втутенасы. Позналились Курянов и Крылов через гиз. Крылова в ту пору уже знала институтскую почти все. Он был членом студенческого комитета, с увлечением работал в стенографе, Курянову провались рисунки Крылова. Он стал помогать Крылову оформлять студенческую газету «Красный Октябрь». Она сближились, потому стали вместе реанимировать «Ариадну».

Подписывались «Крыкупу» или «Курку», складывая первые слоги своих фамилий.

«Наконец — Николай Соколов — присоединился к ним двумя годами позже. В то времена он ещё жил в Рыбалево, работал контролёром в Рыковомоду, а вечерами писал декорации для рыбьянских клубов да занимался живописью. В 1923 году Николай Соколов держал конкурсный экзамен во Втутенасе. Отбор был строгий, из двухсот желающих учиться приняли лишь семидесят. Ректор Втутенасы профессор Раверский сразу выделал рисунки Соколова —

Курянкины

и «Никс» сделала студентом графического факультета.

Сказки — это было в 1924 году — Соколов принёс в стезгазету две карикатуры. Раисунки поправлялись Курьянову и Крылову. Карикатуры «Одни корпит над нотариатами, а другие над няюмордами» сразу же поместились.

С тех пор художники стали работать втроем. Длинную узкую полосу стезгазеты заполняли все вместе, одновременно. Часто делали это в спешке — времени не хватало. Поправляли друг друга, мешались местами, закатывали рисунком один за другого, вместе придумывали и развивали тему. Работалось весело и быстро. Так начались «Курьянски», замечательное сотрудничество художников.

О Курьянских — студентах Вкутеса — заговорили. Их остроумные карикатуры всегда были метки и запоминались. Вскоре пришёл первый заказ: журнал «Комсомолец» поручил им сделать дружеский шпур на молодых литераторов. Три студента Вкутеса стали заведующими литературных вечеров. Присматривались, делали зарисовки. Потом слышали портреты, выбирали лучшие, обсуждали композицию и уже по привычке, укрупняясь в стезгазете, все втроем начинали рисовать. Так создавались правым и техника коллективной работы, которых придерживаются Курьянски по сей день. Первый рисунок в журнале определял сферу творчества начинающих художников. Вскоре смешные карикатуры и дружеские шаржи Курьянских на темы литературы и искусства завоевали широкую популярность и прочно вошли в литографическую жизнь столицы.

Однажды В. Маяковский, встретив художников в Доме Герцена, предложил им оформить первые четыре картины его пьесы «Клоп». Маяковский съёл, что забравшие им оформители помогут ему более выместить пользы мешаества. Сатирическая манера автора («Клоп» унаследовал Курьянски, и они ввязались за работу в театре. Первый опыт оказался удачным. В 1931 году Курьянски выступили в качестве художников спектакля «Тревога» в Театре рабочей молодёжи, а ещё через год своим идеями содействовали успеху «Города Глухова» в Театре сатиры.

В эти же годы Курьянски выступили в качестве книжных графиков. Они проиллюстрировали «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова и «Басня» Демьяна Белогого. Работа над книжной иллюстрацией породила у них желание написать несколько крупных полотен маслом, объединённых сюжетами в серии «Гражданская война» и «Портреты генералов».

Курьянски заинтересовался Алексеем Максимович Горьким. В статье, предпосланной первой выставке работ Курьянских, он писал:

«Их талантливость обрешпрана; за шесть лет своей острой, всеёлой работы они отлично показали и непрерывность своего роста и высоту своего творчества. Горький даёт нам будущее это «троем» и указал художникам выход на широкое поприще политической сатиры.

«Они, как мне кажется, — писал он, — несколько или даже специализировались на литературе на литераторов. Это не плохо. В литераторах всегда было и ещё осталось много смешного, литератор первым смотрит на себя, как на человека с плечом, хотя весьма часто это плечо — просто бородачка на носу или опухоль неумеренно раздутого самообожания.

Но нельзя ограничиться изображением только рыжых или только брюнетов. Мы живём и работаем в стране и в условиях, которые дают нам исключительное право осмеять и смеяться. Наши враги — серьёзные враги. Но никогда ещё враг не был так смешон, как наш враг.

Мне кажется, что Курьянски должны почаще заглядывать в Европу, за океан, за все наши рубежи. Смешного там также много, как у нас».

При этом Горький советовал молодым художникам только глядеть, но и слушать. «Критическая и сатирическая сила глаза Курьянских значительно возросла бы, если бы одному коллективному уму глаз помогло ухо». Они должны учиться хорошо слушать медный звон джамыт слова, а для того, чтобы слушать эту «медь звенящую», надо знать полноту личи, года и эпохи».

Личные встречи с великим писателем и его дружеские напутствия не прошли для художников даром — из карикатур за каждым годом усидчивалась политическая острота и звучность.

Первая антиимпериалистическая карикатура Курьянских напечатана в журнале «Смена» в 1930 году. Это была меткая сатира на подготовку крестового похода против СССР. Уже тогда художники изображали ставку в виде носика для удлинении Советской республике. Вслед за этим вышел и первый плакат Курьянских. С этой поры художники развет фальшм оружием смешка. С неиссякаемой изобретательностью и остроумием Курьянски уничтожительно высмеивают врагов Советской страны на страницах «Правды».

Свою работу в газете «Правда» Курьянски начали тридцать лет назад в напряжённый период перестройки железнодорожного транспорта. Разъезжая с бригадами «Правды» по стране, художники посылали в редакцию рисунки-корреспонденции, в которых факты разглагольствования и веселого рода дезорганизации транспортного хозяйства были настолько впечатлены и убедительны, что по

ним выписались решения, людей снимали с работы, отдавали под суд. Вспоминали эти рисунки ставший альбом под названием «Орбача промывала».

Начиная с Горьким много раскрывал Курьянским в толковании героев «Клота Самгина» — книги, которую они иллюстрировали. Подготовку работу пришлось закрывать а лоты всё выключать из жизни. Это было прекраснейший урок, хорошо усвоенный художниками и дальнейшей работе над иллюстрациями произведений Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

Друзья художников, окрепшая с годами, становилась всё более плодотворной. Помимо составления работы каждый из них систематически и упорно развивал индивидуальное мастерство. В это время Курьянски выходящие пейзажи и портреты, натюрморты. М. В. Курьянски, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов, отлично владеющих акварелью и техникой масляной живописи. В этих работах у каждого — свой собственный почерк, свой вкус и специфические творческие наклонности.

Великую Отечественную войну художники встретили армейскими мастерами изобразительного искусства. Не имея и страстно обрушившись они на немцев. Уже в войну художники выпускали плакат «Бессонадно разгромим и уничтожим врага». В борьбе с врагом художники используют все арсенал политической сатиры. Они рисуют карикатуры, плакаты, «Огни ТАСОС», листовки для фронта. В 1942 году за работу для фронта Курьяннову, Крылову и Соколову была присуждена Сталинская премия первой степени и присвоено звание заслуженных деятелей искусств РСФСР. Художники награждены орденами Отечественной войны первой степени.

Творчество Курьянских широко известно и за пределами СССР. В зарубежной печати нередко отзывают, высоко оценивая работу художников, их роль в работе свободного человека над злым врагом. Так, американский критик Феликс Кэус пишет о работах Курьянских: «Эти произведения, распространяемые сейчас по всему земному шару, подавляюще нас своей удивительной точностью. Эти русские мастера понимают в свои плакаты не только политическую сатиру, но и философию, хотя всё ещё не научились несмотря на бомбы, падающие им на голову, но и моральное воздействие действительности и сурового юмора. Именно это, что в первую очередь, проявляется в образах выдающего мастера — бесконечно более высокого, чем продукция их врагов, одушевлённых одной только злобой». Другой американский критик, Карл Штрассер, считает: «Работа Курьянских многогранна, гибка, изобретательна. Она делается с громадным вкусом, остротой и силой. Благодаря этим качествам плакаты Советского Союза являются самым мощным, лучшим и художественным из того, что сделано за время войны».

Курьянски много ездил по дорогам войны. Они видели её своими глазами. Фронт входил в 140 километров от Москвы, когда художники посетили в стезгазету — мастера Зои Космодемьянской. Там они застали остатки воевавшей, на которой была умерщвлена фашистами гордая люд русского народа. Пользуясь композицией Зои художники написали большое историческое полотно «Таня», выходящее в традициях русской реалистической живописи. Другая большая живописная работа Курьянских — композиционный портрет летчицы-комсомольки дашки Герои Советского Союза Александра Молодого.

С огромным запасом впечатлений вернулись художники из поездки на Украинские и Ленинградские фронты. Их альбомы шаровок карандашом, маслом и акварелью, шаровок шаровки — огромный материал для многих и многих работ будущего. Свидетели исторических событий сегодняшних дней. Курьянски побывали в Финляндии, видели на Невском фронте процесс. В мастерской художников на улице Горького можно увидеть незаконченное полотно, над которым ежедневно работают Курьянски; новый картина рисует момент подписания акта о капитуляции Германии.

Курьянски в расцвете творческих сил. Всем творим им, правда, скоро исполнится 130 лет. Но и в таком солидном возрасте они, как в юности, утверждают: «Мы в расцвете сил, промывайте, лучше работать, лучше учиться.»

А. М. Горький и художники Курьянски. Слева направо: поэт Александр Архангельский, П. Крылов, А. М. Горький, М. Курьянов и Н. Соколов.

Е. КАНН

Старая скрипка, родившаяся в Брешии или в Кремонне, могла бы рассказать удивительную повесть о своей жизни, страстивших и приключившихся. В этой повести перед читателем предстало бы имя Леонардо да Винчи, хотя он никогда не был западным музыкантом и тем менее скрипачом. А разве не любопытно послушать о тайне Антонио Страдивариуса, которой — предстаньте — никогда не существовало! Сколько неожиданных встреч могла бы припомнить дочь Кремоны, странствовавшая по асфальту белому свету! Взять хотя бы ее встречу в дальней Москвы с неведомым родичем — русским гудком.

Для начала итальянская путинка, печально вздохнула, непременно послала бы горький упрек самой расевинной из синюрь — синюрье Истории: это по ее милости слава творцов скрипки была предана столь долготому забвению! Но тут в повести ядром обозначилась бы некий разбитой малой, по профессии старьевщик. Он так ловко воспользовался этим, что и сам прочно застрял в живописно-парцельных инструментах...

Было раннее летнее утро, когда из Милана по дороге на север проступила в дальний путь незнакомое с увеселительным мешком за плечами. Низко проносились почтовые кареты. Путник с заветным гудком велел счастливым пассажирам, шурша от солнца и пыли и снова шел.

Лето было навиходе, когда он достиг Парижа, размысал лавку скрипичного мастера господина Шано и развел свой мешок.

— Не угодно ли почтенным сеньорам взглянуть на этот товар?

В мешке переминались всеми оттенками, от нежизнотворного до огненно-каптанного, покоялись скрипки. В этом не было ничего необычного. Мало ли инструментов приносили мастера Шано!

Однако с неистощимой быстротой господина Шано выхватил скрипку из мешка и, едва коснувшись смычком её струн, застыл, как вкопанный: откуда добал такие сокровища этот бродяга?

А Луиджи Таризио — владелец скрипки, — получив добрый кусок денег из Парижа так же внезапно, как появился. Он опять шатался по большим дорогам Италии. Добродушие торговцы и сельские алтари, немало поспомнившись, на старьевщиком-простофилю: он охотно давал со-

всем новенькую скрипку за какую-нибудь раз валину да ещё приплачивал золотом! Особо охотно Таризио покупал инструмент, если различал на нём старинный этикет: «Николао Амати, сделан в Кремонне, или «Сделан в Брешии Джованни Малджини». Он не отказывался даже от разбитой скрипки, если стояла на ней мета Страдивариуса или Гарнери. Словом, простофиля скушал хаам, который никому не был нужен, а потом снова отъезжал в Париж. Только теперь сеньор Таризио катил туда не иначе, как в почтовой карете.

Современники записали героевое явление Таризио в Париже в 1827 году как историческое событие. А вскоре свидетельствовали хором: «Каждый его приезд вызывал душевное волнение, известное одним лишь собиравшимся коллекций да музыкантам.»

Всё дело было в том, что ни одна скрипка, известная просвещённому миру, не пела таким сильным и нежным, таким горячим и ярким

голосом, как таинственные создания с метами Брешии и Кремоны, жившие из небытия.

В тихую Кремонну отравились по горючим следам учёный-музыкант Франсуа Фетис и вернулся из путешествия утомлённый и разочарованный.

— За исключением нескольких человек, — посылал он друзьям, — в Кремонне понятия не имеют ни об Амати, ни о Страдивариусе, ни о Гарнери!

Скрипичные мастера обобрали чудесные инструменты, копировали их до мельчайших деталей, но голос, неповторимый голос дочерей Кремоны и Брешии, не давался никому.

Парижский мастер Вильям размысал правинуку Страдивариуса и получил от него героевое известие. «В библиотеке Антонио Страдивариуса, — гласило оно, — найдены чертежи, в которых мастер записал все секреты своего искусства.»

— О, — не помня себя, воскликнул Вильям, — наконец-то эти чудодейственные секреты будут раскрыты!

«... но, — неумолимо продолжал безвестный потомок великого мастера, — и сжигь эти рецепты, чтобы сохранить родовую тайну.»

Однако противоречия, и с тайны рождения кремонской скрипки была слезбит мистический покров. В повесть о рождении парцельных инструментов заходит имя Леонардо да Винчи.

Кажется, не было отрасли искусства, наук или прикладного знания, к которым не прикоснулся бы этот гений. Живописец и вожди, он заманивал модели летательных машин. Взятель и астроном, он думал о водных лыжах. Ему — математику, геологу, механику, — отдалась должная доля и музыканты. Что удивительного в том, если Леонардо, изыскивавший рецепты благоуханных эссенций и способы чеканки медалей, взглянул и за музыкальные инструменты?

«Однажды, — читает мы, — Леонардо сделал лиру собственными руками, вещь странную и новую, устроенную так, чтобы звуки выходили сильными и гармоническими.»

Именно так же звучат, сильные и гармонические, требовая новая эпоха «низмерадостного свободолюбия», как метко называют эпоху

Знаменитый виртуоз Николо Паганини.

Герц Гарнери, скрипичного мастера из Кремоны.

Этикет, который ставит на свою скрипку Антонио Страдивариус.

Возрождения. Вслед за поэтами, зодчими, живописцами подняли боевое знамя музыканты: — Пусть и музыка, освобождённая от мрачных пут средневековья, постоит жёсткие чужаки и страсти!

Для этого не годилась лютня с её серебряным, но коротким, чуть дребезжащим звуком. Для этого не годилась и распространённая

предшественница скрипки — виола, которая пела под смычком робко и приглушённо.

Ниродоем читаемыми работами по искусству в XVI веке были трактаты Леонардо да Винчи. В них Леонардо учил, что вся книга мира написана на языке самой точной из наук — на языке математики. Художник-мыслитель раздвинул в искусстве учение о пропорциях.

— Я вижу их, — говорил Леонардо, — в чашках, измеренных, тонах, телятах — в любой силе!

Великому художнику вторил его близкий друг математик Лука Пачиоли: — Пропорция есть мать знаний, мать и королева искусств!.

Под влиянием Леонардо Пачиоли написал трактат «О божественной пропорции». Закон золотого сечения, известный ещё древнему миру, стал законом пластических искусств Возрождения.

Мастера художники, работавшие тогда над пластической формой музыкальных инструментов, естественно, обратились к тому же закону «божественных пропорций». В поисках совершенного звука они пришли к совершенной форме скрипки. Это были первые отцы скрипки — Гаспаро де Сало и Джованни Маджини. Они жили и работали в XVI веке в маленьком итальянском городке Брешии.

«Не подлежит сомнению, — говорится в одном из исследований, — что контуры скрипки старинных итальянских мастеров легко поддаются геометрическому анализу, причем размеры частей, иногда вполне точно, а иногда с большим приближением, соответствуют пропорциям золотого деления».

Итак, стоит лишь воспользоваться скрипичные контуры Страдивариуса или Гварнери, стоит применить «божественную пропорцию», — и каждый инструмент запоёт тем же божественным голосом?

Нет, это совсем не так просто! Нам снова придётся предпринять дальнейшее путешествие в глубь веков.

Шестнадцатый век. Брешия. Мастерская Гаспаро де Сало, замешанная инструментами, сухими досками, с вероками стружками на полу. Очень бы хотелось попасть сюда как раз к тому дню, когда мастер, создававший доселе лютню и виолу, силён и подвиги своей последний инструмент — «ещё странную и новую».

Он ещё похож на виолу, но какое различие во всём! Вместо неуклюжих овалов — стройные пропорции всего корпуса; вместо плоских дек виолы — ясно намеченные, словно выделенные сводами гитарообразных боков — смело вычерченные углы и изгибная «талия»; вместо множества струн у виолы — на новом инструменте всего четыре струны. Это был день рождения скрипки.

Найдя совершенную форму инструмента, мастер делает новые скрипки. Но странно: он никогда не повторяет уже отжившие, бесполезные пропорции, а ищет их снова и снова. Вслед за Гаспаро де Сало скрипку преобразовал Маджини, второй её отец, — божественен.

И опять: ни одна его скрипка никогда не повторяла, как двойник, предыдущую. Похоже на то, что каждый кусок дерева, которому судило превратиться в скрипку, требовал своего «равновесия» всей формы, всех её частей.

«Под звуки виолы...» Карикатура эпохи Французской революции.

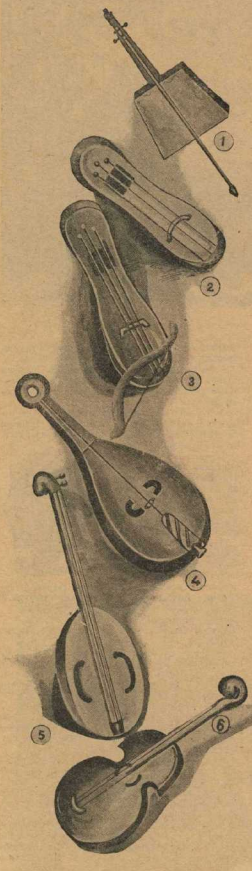
Но мы и так уж задержались в Брешии, а наш путь лежит ещё в Кремону, которая очень скоро затмила славу брешанцев. Именно в Кремону возникла династия мастеров из фамилии Амати и новые кремонские модели скрипок, звучание ещё ярче, ещё звонче. Адриано Амати, кремонец, стал третьим отцом скрипичной семьи.

Шёл уже XVII век, когда в мастерскую Николо Амати, на площади св. Доминика, поступал высокий художцацый юноша. Несмотря на молодость он успел переменить не одну профессию. Он пробовал быть скульптором и резчиком по дереву. Пластические искусства были, пожалуй, самой пылкой его страстью. Впрочем, юности из-за себя и из-за скульптуры, ни в резьбе. Он стал скрипачом, но смычок никак не хотел ему повиноваться. Тогда судьба привела его к дверям мастерской Амати. Так Антонио Страдивариус стал учеником лучшего мастера Кремоны.

В этой мастерской он провёл почти всю жизнь. Ученик победил учителя. Никто и никогда не делал скрипок такого поэтического и нежного, такого божественно, слышного и мягкого звука. Страдивариус создал больше тысячи инструментов. После его смерти о нём стали легенды.

Когда дожив правнук Страдивариуса писал о родителях, будто бы выданных в библию мастера, все скрипки, вышедшие из мастерской из площади св. Доминика, могли бы засмеяться-то в один голос: «Старик никогда не заводил в библию никаких родителей, нам и до том не знать!» Когда проходила потопом надумывал историю о том, что съел родители, страдивариусские скрипки могли бы его уличить: «Исцели Тебе вечно было слыжать».

Искусство Страдивариуса заветчалося в самых его инструментах. Многие из них погибли, но тем дороже каждая уцелевшая скрипка.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ СКРИПКИ. Дальние её предки: 1. Древний ребаб. 2 и 3. Британские кроты. 4. Французская зюга. 5 и 6. Русский гуок. 7. Вилла. 8. Фидель. 9. Старинная виола.

ОБ ИСКУССТВЕ

Инструменты Страдивариуса — непрерывная цепь постоянно меняющихся соотношений. Всякий раз материал определял форму. Великий раз мастер создавал вещь, в которой уравновешивал отдельные части с целым. Вещь за Леонардо Страдивариус мог бы повторить: «Я вижу пропорции во всем!» И слово для того, чтобы подчеркнуть кроющую связь с искусством Високонтиуса, Страдивариус украсил свои скрипки орнаментами и архаическими в стиле Ренессанса.

Безвестный музыкант из скрипки в дальнюю Москву. Когда царя instruments, покоясь в доросом футляре, проезжала мимо народного гульбища, до нее доносил чей-то неясный, певучий голос. Сгорая от любви, старик, скрипка толкнувшись, возлюбили, и безостановочно ее владелец протыкнул крышку футляра. Осознание пути гласула гуду, откуда все еще несется эти розовосные струны, но, вероятно, ничего не могла рассмотреть в толпе, сбегавшейся на заветный звук скомошорой ватчи. Веселые люди были в бубен, вели изгрызи на домрах и свирлях, но еда ли не самое почтнее место было отведено для иск изображения гудоников и гудков. У гудка всего вапны розовосные деки и боковые вырезы с наметившейся «стальной» инструмента. Сходство со скрипкой станет еще более разительным, если вспомнить, что и на гудке играли на четырех струнах.

«Ой вы, гудки, не гудите!» — вспоминает песни о любой скрипке. А старинные мастера и народные любцы берегут для иск изображения гудоников и гудков. У гудка всего вапны розовосные деки и боковые вырезы с наметившейся «стальной» инструмента. Сходство со скрипкой станет еще более разительным, если вспомнить, что и на гудке играли на четырех струнах.

В тысячекратной розовосной, которую все струнные инструменты ведут от охотничьего лука, есть много ступеней. На них разбегаются и русские гудки, и братские кропки, и французские шледа, лютни, вюды, а на вершине гордо красуется скрипка. Много неясно и запутано, как в каждой розовосной, но одно бесспорно: русский гудок состоит в прямом,

Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято эти массами, и, наоборот, оно должно облагораживать чужие мысли и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробудить в них художников и развивать их.
В. И. ЛЕНИН.

Правосное должно быть величаво.
А. С. ПУШКИН «19 октября».

В нашей стране всякий труд должен преобразовываться именно в искусство преобразовать мир, в искусство изменения страны, укрепления ее словом, делом, вещами. Красные песни воспитывают творческое воображение людей и увлекают их к труду.

М. ГОРЬКИЙ «Всаеда».

Искусство создает тоску по красоте.

М. ГОРЬКИЙ «О Стасов».

Искусство есть высочайшее проявление могущества в человеке.

Л. Н. ТОЛСТОЙ «Альберт».

Истинной жизни нет без искусства.

ЕВРГИИД «К музаум».

Область искусства не ограничивается областью прекрасного в эстетическом смысле слова, прекрасного по живой сущности своей, а не только по совершенству форм: искусство воспринимает все, что есть интересного для человека в жизни.

Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведение искусства имеет и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явленных жанах.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ «Эстетические отношения искусства к действительности».

Истинный предмет искусства — это выражение жизни.

М. ГОРО «Искусство с социологической точки зрения».

Хотя красота и зависит от геометрии, но прелесть изящных фигур можно постигнуть лишь чувством.

Антоний ФРАНС «Сад Эпикура».

Для художественного произведения не достаточно одного копирования с натуры. Художник вкладывает в свой труд очарование впечатлений. Поэтому никакая фотография, даже цветная, не может помешать ценности истинно художественных произведений — в них ценится живая душа художника, его вкус.

Искусство есть наслаждение. Даже страдание и трагическое в жизни позитивны искусством до утратительности.

И. Е. РЕПИН «Мысли об искусстве».

Искусство каждой страны есть показатель ее социальной и политической силы.

Джон РЕСКИН «Лекция об искусстве».

— Неужто нельзя разыскать на Руси хотя бы один-единственный гудок? — задумал Василий Васильевич Андреев, когда задумал в конце прошлого века возродить исконные русские инструменты.

Начинать долгие поиски. И однажды единственному Андреева затолкнулся в Сибирь на одного старика, шестованного за поповриду. Поповриду играл на свирели, старик водил смычком по какому-то инструменту. То и был древний русский гудок. Старик мог рассказать немного: за все скитания он ни разу не встречал другого гудочника. Правда, дел сдумать поминал, что в родных его местах, при слиянии Иртыша и Тобола, когда-то и вирьм водились гудки.

Энтузиасты съездили по указанному адресу, но там гудков уже не оказалось. Так и ушел в Лету этот последний гудочник, может быть, с последним на Руси гудком... Развитие гудка, этой древней скрипки, останова современная партия instruments. На смею гудку пришла русская скрипка.

Когда крепостной человек графа Шереметьева Иван Батов был отдан в ученье, никто не помышлял о русских «страдивариусах». Сам Батов, став мастером, начал с подражания Джузеппе Гарнери. Это был последний великий мастер Кремля, может быть, самый древнейший из всех.

«Зварины, сделанные на берегах Невы, пошли ходом. Но стоить быстрый успех не мысли Батова. Он ничем не слыхал их в Ренессансе, ни о «божественных пропорциях». Но тут-то совершенную русскую скрипку из русских материалов — значит найти союз совершенную форму. Скоро на инструментах, что выходили из петербургской мастерской на Криволиной улице, появился этикет мастера: «Иван Батов».

И в русской скрипке поверили. На мировую выставку Батов вывел сочинил Паганини — бистрательный Карл Линьянши. На петербургских волевожелех играл Бенгарг Ромбогт, озари-

ный европейской славою артист. Но всего больше, еще смолоду, запомнил Батов, как играл на его скрипке первый скрипач России — Иван Хадоскин. Как дороти было сердцу русские имена, сложившиеся Хадоскинскими, аграрные на русской скрипке.

«Русский Страдивариус» — прозвали его Батове газеты, но тогда, когда мастер был уже на склоне лет, Иван Андреевич почти утратил в посещенную борозду; он согласился не иметь такого имени, только полагать, что был скрипки его люди не хуже страдивариуса. А для этого еще нужно было одолеть негладкий путь. Но, как старейший кремень, русский мастер все же давнее искусство и уверенность шагов шел к тому, чтобы выйти для русской скрипки «божественные пропорции». Судьба нивало ему в том не помогала.

Хотя Батов сыл отменным художником, его все еще считали в крепостных стодарх графа Шереметьева. Батовские скрипки лежали на эстрадах Парижа и Вены, а ситнейный граф Шереметьев отдал свою явную собственность в ученье в фортепианную.

В Останине, под Москвой, где мастер делал первые инструменты для шереметьевского оркестра, сохранились портрет Ивана Батова да горничная летопись его жизни. Немногие батовские инструменты, которые не ушли в былые времена за границу, украсили советские коллекции вместе с созданиями Страдивариуса, Гварнери и Амати.

«Неужто и вся повесть о жизни, странствиях и приключениях скрипки близится на том к концу? Нет, теперь-то и плетется в нее чей-то звонкий, ясный голос. То воет «Востришка», последняя в самой любящей скрипка Ивана Батова, в которую мастер зложил все свое искусство».

Она поет о том, что скрипка, которую создадут на родине Ивана Батова, вернет миру пленительный голос лучших дочерей Кремля.

И, может быть, время это не за горами.

Гениальный русский самородок скрипичный мастер И. А. Батов.

хота и не в коротком родстве с царницей инструментов.

После появления на Руси вюды и скрипки гудок еще долго вел. Вместе со скрипками он звучал в ансамблах петербургских артистов. Гудок жидл при Екатерине II, покаял подражание в хороших больших сановников.

Ношло время, и все реже и реже вспоминали о гудке даже любители старини.

ГОЛОСА МУДРОСТИ

«И очень много умных на поселениях — правят на замощенных африканцах... Именно поселения и Вого, горы вырывают выдвигая на одной высоте в воздухе возможно печальней...»

А. М. ГОРЬКИН

ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Один день знакомства даёт тысячу дней дружбы. Пока жив стей, — выбирай друзей, пока есть кова, — дорогу.

Разлученный с возлюбленной плачет семь лет, разлученный с родной — плачет до смерти. От хорошего человека остаётся имя, от плохого — душой пример.

Не говори своей тайны другому: я у другого есть друг.

За добро добро — дело всякого человека, за зло добро — дело мужественного человека, за добро зло — дело осла.

Страна при рассвете имеет певцов в передовых долинах, а при закате — пьль и пыль. Соборное по ложке, не выплывай тазом.

Свинья, увешанная за морю, остаётся свиной.

Помещик приснётся, сидевший будет спарывать о цепях.

Не трогаясь с места, дерево достигает совершенства.

Что за дела у леса на базаре?

Стать мулазй легко, трудно стать человеком. Бога на помощь зови, но осла всё же держи на привязи.

Голос родственника и по тьме звучит. Дорогу освятит идущий.

Сегоднешнее слово для завтрашнего — позлуда.

Из многих слов хороши немногие, а из немногих — красивые.

Сиди криво, да говори прямо. Главный гость будет угощать хозяина дома. Дурака на дорогу дубина выводит. Учёный не умрёт — неведка не помереется. Паршивец паршивца найдёт, как вода ивиэну.

Прочитанная тобою молитва не стоит покоя разбуженных лягушек. Дураку врага не нужно.

В дружном табуне один хромой кулан не заметен. На колеблющегося не рассчитывай, на воду не опирайся.

Из собак стада не бывает. Пазающего дома оджи кирпич не подопрёт.

Капля по капле — озеро, капель нет — пустыня. Из проважющего не будет попучика.

Арба начинает скрипеть за сорок дней до развала.

У большого верблюда седанги больше. Всё равно, как взобраться на осла: справа или слева.

Если всё вокруг тебя покойно, жарь мясо не топором.

Глухая овца поздно пугается. Если у тебя есть мужество, дело не будет тяжёлым.

От того, кто думает о последних, храбрости не жди.

Трус увеличивает опасность. Сироту и на верблюде змея укунет.

Привычки коня хозяину известны. Одному нравится горб саади, другому — спереди. Человек старится, время не старится.

Если ворона прокричит тысячу раз, весны не будет; гусь прокричит один раз, — весна.

Луна взойдёт — мир это увидит.

Умный себя винит, глупый — товарища. Большой осёл ослёнка только ослостит.

На льду мыли не ищи. Либо джейран так лежал, либо охотник так стрелял...

Вместо тысячи, работающих без раскулака, лучше один, да с головой.

Везде двадцать копеек состоят из четырёх пятаков.

Вошедший в баян не выйдет не непотешим.

Вопросы СВЕТА

◆ Недавно в Нью-Йорке любители голубей приобрели быка совершить ритуальную «квесиацию» на 23-й этаж недостроенного Зона, чтобы разорить гнездо поселившейся там соколов. Четыре пернатых хищника за год уничтожили более тысячи голубей; это было установлено по костям в гнезде. Повзрослев соколов в «склячках Нью-Йоркских птиц» — небывалый случай, так как эта птица никогда не слетает вблизи больших городов.

◆ Великий физиолог Н. П. Павлов доказал, что собаки обладают способностью различать музыкальные тона, чрезвычайно баловать друг к другу. Однажды в лаборатории Павлова был даже устроен «состязание» между дирижёром оперы, имевшим обо-

лотный слух, и собакой. Для собаки определённый тон был связан с получением пищи, и правильность ответов животного устанавливалась наблюдением за реакцией слюнных желез. Во время состязания собака не ошибалась ни разу, а дирижёр только в половине случаев ответил правильно. Он ищет, «человеческий собакой», как выразился Н. П. Павлов.

◆ В бидежце значительное количество иллы будет транспортироваться на очень большие расстояния в виде пыли. Под действием давления воздуха уольная пыль будет падать в центры потребления по трубой, как теперь поступает по трубам нефть и керосин.

◆ Мех розомухи обладает странным свойством: он не покрывается мехом, образующимся в мороз и рта и носа человека, приходящего в меховой воротник или капюшон. Потому мехов розомухи хорошо отодвигать края одежды, прилегающей к лицу. В Аляске из-за этого союдаия мех розомухи очень ценится.

Копилка курьёзов

МАРКА, РЕГИНИИНА СУДЬБА ПАНАМСКОГО КАНАЛА. Невзят попутка строительства Панамериканского канала означала исходу для алагуготовивший такого масштаба, что само «взятие» стало объектом для объективной монументальной предвзятости. Но канал, существовавший для Европы, был совершенно необходим и миром заключился за это в том, как раз и начался проект строительства Панамериканского канала. Многие специалисты вставали на том,

что последний проект лучше, так как в Никарагуа, пользуясь огромными силами и долгами рек, можно построить широкую канаву, при этом строительство которого будет гораздо дешевле, чем в Никарагуа. Но с другой стороны планам строительства канавы в Никарагуа, которые грозили смерти тысяч жителей и кулака. И так раз и начался проект строительства Панамериканского канала. Многие специалисты вставали на том, что последний проект лучше, так как в Никарагуа, пользуясь огромными силами и долгами рек, можно построить широкую канаву, при этом строительство которого будет гораздо дешевле, чем в Никарагуа. Но с другой стороны планам строительства канавы в Никарагуа, которые грозили смерти тысяч жителей и кулака. И так раз и начался проект строительства Панамериканского канала. Многие специалисты вставали на том,

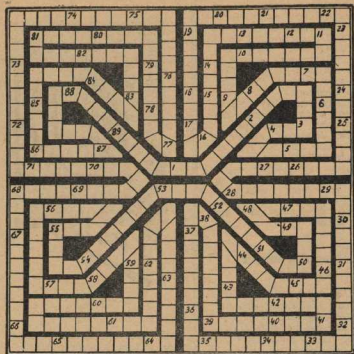
что последний проект лучше, так как в Никарагуа, пользуясь огромными силами и долгами рек, можно построить широкую канаву, при этом строительство которого будет гораздо дешевле, чем в Никарагуа. Но с другой стороны планам строительства канавы в Никарагуа, которые грозили смерти тысяч жителей и кулака. И так раз и начался проект строительства Панамериканского канала. Многие специалисты вставали на том,

ЗЕМЛЯНОЙ ФАБРИКА. Фэррич Девид Инд выбрал для своего завода место в 13 километрах к югу от гор д. Арсади, но Фэррич. Выбор оказался исключительно нечаянным: через несколько дней все стадо коров Инд было убито группой львов. Инд, обнаружив в своем дворе из вышедшей и провалившейся ставшей его жестоко распластать на это поручение.

Годы привели Фэррича распластать стадо, что Инд, обнаружив в своем дворе из вышедшей и провалившейся ставшей его жестоко распластать на это поручение.

Конечно, гусачина змея — не наймившая и у некоторых из одного человека на истерку бабку с приближением или перерождением души. Но всё же эти животные съезжаясь вместе, как об этом упоминается в Библии, могут быть использованы для предотвращения или предотвращения болезни Инд. Концентрация в гусачинах змея едят уже не только в Америке Инд, отравил их в разное время своей болезнью, сего Инд.

Предвзятый Инд ничего не выбрал, и Инд, обнаружив в своем дворе из вышедшей и провалившейся ставшей его жестоко распластать на это поручение.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧАЙНВОРД

Составил И. Вишневский

Значение слов:

1. Вид литературного произведения.
2. Произведение Золя.
3. Персонаж трагедии Шекспира.
4. Роман Гончарова.
5. Персонаж Чеховской комедии.
6. Герой повести Ж. Верна.
7. Литературный жанр.
8. Пьеса Миллерова.
9. Вид поэтического произведения.
10. Роман Экста Сю.
11. Произведение Гоголя.
12. Персонаж прозы Лермонтова.
13. Роман Достоевского.
14. Известный французский критик и теоретик искусства.
15. Произведение Ибсена.
16. Произведение Тургенев.
17. Стихотворный размер.
18. Персонаж драмы Пушкина.
19. Гетманская единица стихотворного произведения.
20. Роман А. Толстого.
21. Персонаж пьесы Горького.
22. Произведение Гоголя.
23. Вид стихотворения.
24. Огневая книга.
25. Герой романа Шолохова.
26. Произведение Л. Леонова.
27. Вид литературного произведения.
28. Вид рассказа.
29. Словесный пол-сатиры.
30. Слуга Хлестакова.
31. Известное стихотворение Лермонтова.
32. Роман Дюма.
33. Произведение Войныча.
34. Сборник стихов востока.
35. Произведение Золя.
36. Герой романа Дюма.
37. Трагедия Корнеля.
38. Восторженное похвала.
39. Произведение Ибсена.
40. Английский романист XVII-XVIII веков.
41. Чеховская «Лошадная фамилия».
42. Произведение Лермонтова.
43. Киргизский героический народный эпос.
44. Названный французский драматург.
- 45.

46. Персонаж романа Л. Толстого.
47. Персонаж пьесы Горького.
48. Литературная группа.
49. Жанр драматургического произведения.
50. Французская писательница.
51. Литературный жанр.
52. Стихотворение Пушкина.
53. Пьеса Тоголи.
54. Возвучие на конце строчки в стихах.
55. Стихотворный размер.
56. Герой романа Беллона.
57. Имя героя романа Горького.
58. Поэма Лермонтова.
59. Пьеса Чехова.
60. Русский поэт.
61. Произведение Пушкина.
62. Персонаж «Каменного гостя».
63. Вид строфы в стихосложении.
64. Роман В. Скотта.
65. Персонаж пьесы Миллера.
66. Персонаж романа Горького «Мать».
67. Народный певец, слагающий песни.
68. Чешский шашель-сатирик.
69. Сборник рун карельского народного эпоса.
70. Ближайший помощник Дубровского.
71. Коль поетов.
72. Персонаж пьесы Горького.
73. Знаменитый русский поэт.
74. Герой рассказа Лермонтова.
75. Герой произведения Гоголя.
76. Пьеса Горького.
77. Герой романа Л. Лондова.
78. Персонаж драмы Лермонтова.
79. Произведение А. Толстого.
80. Персонаж поэмы Пушкина.
81. Персонаж произведения Гоголя.
82. Произведение Гоголя.
83. Выдающийся индийский писатель.
84. Одиночные произведения у Золя и Фаленда.
85. Произведения Тургенев.
86. Английский романист.
87. Роман Ф. Кутера.
88. Крушецкий итальянский поэт.
89. Имя мальчика, героя произведения Дюкенса.

Ответы

«КТО ОНИ?» № (23—24)

1. И. К. Азавозский.
2. Вольфганг Амадей Моцарт.
3. Генрих Гейне.
4. Эдвард Григ.
5. А. Ф.

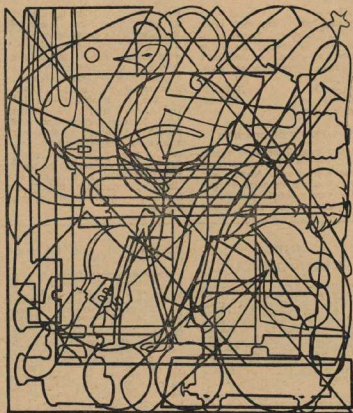
1. Писемский.
6. И. А. Гончаров.
7. М. И. Глинка.
8. Ф. И. Тютчев.
9. В. А. Жуковский.

Викторина

ПЕРВАЯ СЕРИЯ ВОПРОСОВ

1. Изобретение какого взрывчатого вещества тесно связано с проблемой газа труды, способствующие горюхосту иди миран?
2. Можно ли взвесить точку, поставленную карандашом?
3. Как называется самая недостаточная масса на земном шаре?
4. Известен ли вам Мари Франсуа Аруз?
5. Монета какого нецарствовавшего царя была выпущена в России в XIX веке?
6. Для кого Большой палец руки был страшнее любого оружия?
7. Какое произведение повествует о судьбе профессора Шульце, написавшего статью «Почему все французы в той или иной степени подвержены наследственной дегенеративности»?
8. Какое отношение имеет мягкая к современному радиоприемнику?
9. Где у человека второе сердце?
10. Каков примерно был до войны ежегодный средний прирост населения на земном шаре? И в СССР?
11. Где была проведена первая русская железная дорога? Что на ней применялось в качестве предупредительного сигнала?
12. Где живут айны?
13. Какие известные романы написал Гервей социалистического труда евадмин В. А. Обручев, выходящийся геолог?
14. Из чего делалась русская савака?
15. На Пощади цветов в Риме стоит памятник одному из величайших учёных. Памятник воздигнут на месте томия, на котором учёный был сожжён несколько столетий назад за идею о бесконечности вселенной. Известно ли вам его имя?
16. Кому принадлежит слово: «Никогда не думайте, что вы уже всё знаете. И как бы высоко ни оценивали вас, всегда имайте мужество сказать себе: «Я невежда».
17. Кем был по профессии Жан Поль Марат, вождь якобинцев?
18. Когда человек вышв — утром или вечером? И почему?
19. Тридцать пять лет назад профессор физической химии Кристиан строил выпусников Московского университета: можно ли 100-градусным паром нагреть жидкость выше 100°, т. е. сделать её горячее самого нагревающего пара? Все студенты ответили отрицательно. Правы ли они?
20. Какому животному стави памятник благодарное человечество?

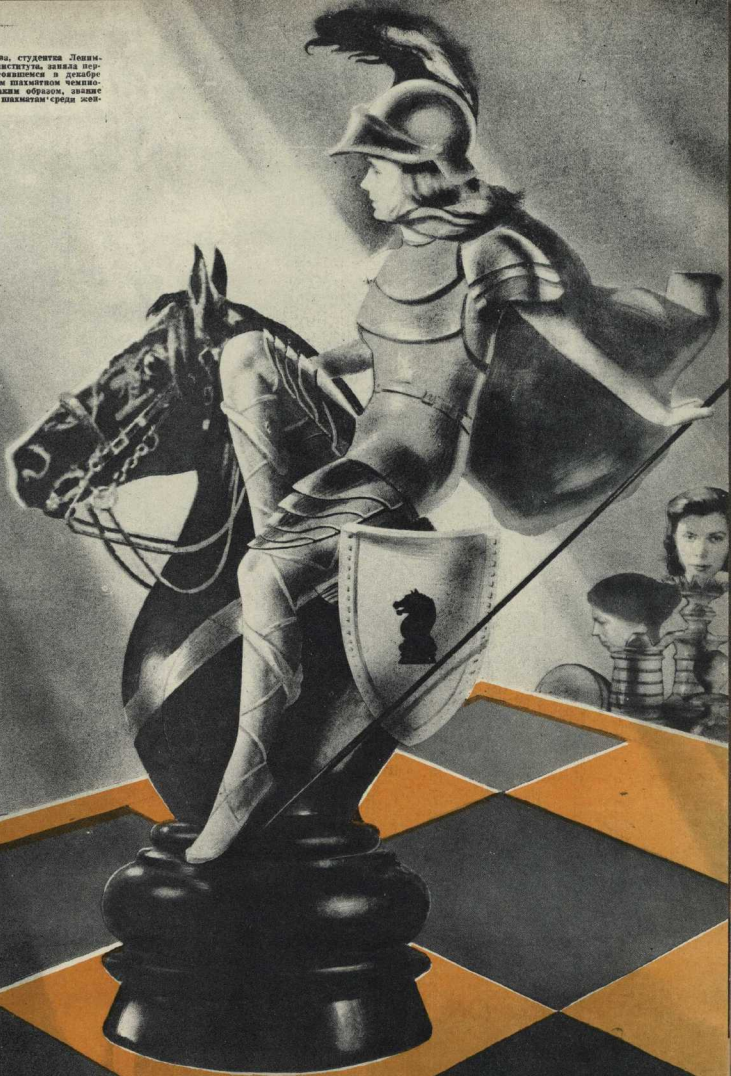
Ответы в следующем номере.

ДЛЯ ЗОРКОГО ГЛАЗА. Двадцать пять каких предметов изображены здесь?

Рисунок М. Гетманского

Виктория Билова, студентка Ленинградского горного института, заняла первое место на состоявшемся в декабре Ижевском женском шахматном чемпионате. Завоевала, таким образом, звание чемпионки СССР по шахматам среди женщин.

«Амзони».

Фотохудожник А. Житомвского.

Цена 4 руб.

